

ГДЕ НЕ БЬЁТСЯ СЕРДЦЕ

— Книга II | Тень Совета —

АВТОР

НАДЕЖДА ШЕСТАКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Где не бьётся сердце

Надежда Шестакова

**Где не бьётся сердце.
Книга 2. Тень Совета**

«Автор»

2026

Шестакова Н.

Где не бьётся сердце. Книга 2. Тень Совета / Н. Шестакова — «Автор», 2026 — (Где не бьётся сердце)

Вторая книга цикла Где не бьётся сердце. В мире, где дампируют учат охотиться на тьму, Виолетта сама становится её источником. Энергия мёртвых действует на неё губительно, как могильный холод, медленно отнимая силы. Запретная связь с вампиром кажется спасением, меняя её судьбу и даря иллюзию контроля над тем, что не подчиняется никому. Страх превращается в притяжение, от которого невозможно отказаться, даже когда разум предупреждает об опасности и весь мир против. Теперь Виолетта не просто ученица школы охотников, а узница собственного дара и возможный ключ к силе, которую Совет ищет десятилетиями. За ней наблюдают. Её контролируют. Каждый шаг — под прицелом. Чтобы выжить, ей придётся скрывать правду и выбирать между долгом и сердцем. Ведь тьма внутри неё живёт по своим правилам. И однажды ей придётся решить — стать оружием Совета или разрушить саму систему. История о запретной любви, силе крови и выборе, который меняет не только судьбу, но и саму границу между жизнью и смертью.

© Шестакова Н., 2026

© Автор, 2026

Надежда Шестакова

Где не бьётся сердце. Книга 2. Тень Совета

Где не бьётся сердце

Книга II
Тень Совета

Надежда Шестакова

Аннотация

В мире, где вампиров учат охотиться на тьму, Виолетта сама становится её источником. Тёмная энергия мёртвых действует на неё губительно — как могильный холод, медленно вытягивающий из неё жизнь.

Запретная связь с вампиром кажется спасением. Она меняет её силу, её судьбу и дарит иллюзию контроля над тем, что по своей природе не подчиняется никому.

То, что начинается страхом и ужасом ночи, превращается в притяжение, от которого невозможно отказаться. Даже когда разум предупреждает об опасности. Даже когда весь мир против. Даже когда нарушены законы расы и Кодекса.

Теперь Виолетта — не просто ученица школы охотников. Она узница собственного дара и возможный ключ к силе, которую Совет ищет десятилетиями.

Контроль усиливается. Наблюдение становится неотступным. Мысли больше не принадлежат только ей. Каждый шаг — под прицелом. Каждая ошибка — риск стать добычей.

Чтобы выжить, Виолетте приходится скрывать правду, играть по чужим правилам и выбирать между долгом и тем, что осталось от её сердца.

Но тьма внутри неё не подчиняется законам. У неё свои правила.

И однажды Виолетте придётся решить — стать оружием Совета... или разрушить саму систему.

История о запретной любви, силе крови и выборе, который меняет не только судьбу, но и саму границу между жизнью и смертью.

Глава первая

Воздух пропах смертью. Не абстрактной, не метафорической, а настоящей, тяжелой, смешанной с сыростью и металлическим привкусом крови. Этот запах оседал на коже, проникал в лёгкие, напоминая, здесь уже было слишком много боли, чтобы утро могло что-то исправить.

Ночь тянулась бесконечно долго, изнуряющая, давящая, лишённая сна и покоя. Она выматывала не только тело, но и сознание, медленно стирала границу между страхом и равнодушием. Когда же рассвет наконец начал пробиваться сквозь серое небо, он не принёс облегчения. Ни света, ни обновления, ни ощущения, что всё самое страшное осталось позади. Наоборот, чем дольше я думала, тем глубже погружалась в бездонную, холодную пустоту. Это было состояние тупика, когда дорога обрывается внезапно, а назад уже не вернуться. Я не знала, что делать дальше. Не видела ни направления, ни выхода. В голове роились десятки вопросов, и каждый из них звучал громче предыдущего. Ни на один я не могла ответить.

Это чувство неопределённости разъедало меня изнутри, медленно, методично, не оставляя ни опоры, ни иллюзий.

Что будет дальше со мной?

С моей жизнью?

С тем, кем я становлюсь и кем уже, возможно, стала?

Ситуация была патовой. Николас теперь знал о существовании Кольта. Он видел, на что тот способен. Он видел собственными глазами, как вампир подчинил себе стаю обезумевших, утративших разум фералов и тем самым спас не только меня и его самого, но и жизни многих в школе. Николас прекрасно понимал, между мной и Кольтом существует связь. Не случайная и не поверхностная. Что-то гораздо более глубокое и опасное. Но о тёмной природе этой связи он, к счастью или к несчастью, не знал и даже не догадывался.

Да, он был искренне рад тому, что я жива. Это читалось в его взгляде, в сдержанных жестах, в том, как он старался держать себя в руках. Но всё остальное его явно не радовало. Впрочем, меня тоже.

Сама мысль о том, что дампир может иметь какие-либо отношения с вампиром, казалась невыносимой. Кошунственной. Ведь вампиры — это те, на кого мы охотимся. Те, кого уничтожаем. Те, ради кого и благодаря кому мы существуем как вид. Мы рождаемся, обучаемся, закаляем себя, чтобы быть достойными охотниками на вампиров. На наших собственных прародителей. Парадокс жестокий и безжалостный.

И теперь Николас видел меня рядом с вампиром. Не просто рядом, а в тесной, невыносимо тёплой близости. Это потрясло его. Он старался сохранять внешнее спокойствие, но я всё равно видела то, что он пытался скрыть.

Презрение направленное на Кольта. Ненависть, врождённую, выученную, инстинктивную. И недоверие ко мне. Сомнение, болезненное и опасное. Будь я на его месте, вероятно, я чувствовала бы то же самое. И вряд ли смогла бы вести себя столь сдержанно. Но Николас был опытнее меня. Он умел видеть ситуацию глубже, чем она казалась на первый взгляд. Он был готов искать здравые решения, а не слепо опираться лишь на сухие буквы законов дампинов. Законов, написанных кровью и страхом.

После того как Кольт подчинил себе стаю, Николас не спешил с окончательными выводами. Он не оправдывал происходящее, но и не отвергал его. Он был не рад и очень озадачен. И это, пожалуй, пугало сильнее открытой враждебности.

Кольт, в свою очередь, тоже был потрясён. Даже шокирован. Его новые способности стали для него самого неожиданностью. Благодаря нашей связи и той энергии, носителем которой была я, он ощутил в себе силу, о существовании которой прежде не подозревал. Он ещё не умел управлять ею полноценно. Его движения, реакции, решения оставались неровными, временами резкими, грубыми, сила опережала опыт. Но страха в нём не было вовсе. Лишь настороженное любопытство и жгучее желание понять, кем он стал. Кольт не собирался отступать, напротив, он внимательно, хищно изучал свои новые возможности, пробуя их на вкус, прислушиваясь к каждому отклику. Это было поведение существа, которое уже осознало собственное превосходство, но ещё не до конца разобралось, как им распорядиться.

Тёмный дар, которым я обладала, по иронии судьбы был мне недоступен. Энергия мёртвых, холодная, чуждая и разрушительная. А я жива. Именно это и делало её для меня смертельной. Я не просто не могла ею пользоваться. Эта сила убивала меня. Моё тело отторгало её, как яд, проникший в кровь. Она сидела внутри меня, как враг в засаде, медленно и неотвратно разрушая меня изнутри. С каждым днём, с каждой вспышкой гнева и боли, с каждым приступом слабости я чувствовала, как расплываюсь за то, что не должна иметь. Именно поэтому связь с вампиром стала моим спасением. И как оказалось, единственным. Потому что путь к этой тёмной мощи лежал только через смерть. Через перерождение в теле бессмертного,

кровожадного существа. А я не хотела идти этим путём. Не была готова стать монстром, и тем более принять судьбу, в которой больше не осталось бы меня.

После нападения стаи фералов на школу Кольт увёл их в бункер, расположенный на территории школы. Тот самый, где этих безумных, смертоносных существ создавали на протяжении долгого времени.

Инициатором создания этой стаи был не кто иной, как сам Коста Раллис, профессор закрытой школы дампиров, в которой я училась. Тот самый профессор, который внушал страх и доверие одновременно. Тот, чьё имя ассоциировалось с опытом и безупречным знанием своего дела. Тот, кто учил нас убивать вампиров. Осознание этого накрывало тяжёлой волной. Слишком многое встало на свои места и слишком многое перестало иметь смысл.

Убедившись, что бункер пуст, мы устроились именно там. На данный момент это было единственное место, способное удержать изголодавшихся и смертельно опасных вампиров, пусть даже ненадолго.

Кольт не выпускал меня из поля зрения, как и Николаса, несмотря на то что был полностью сосредоточен на вампирах. Его внимание раздваивалось, цепляясь сразу за несколько точек. Было ощущение, что к Нику он ещё вернётся, позже, после того как более или менее уладит куда более актуальные и важные проблемы. И это «позже» пугало своей неизбежностью. Его взгляд постоянно скользил, между нами, холодный и внимательный, он оценивал каждое движение, каждую реакцию. Он не доверял Нику и не был готов отпускать его ни на шаг. Но и Николас, в свою очередь, не спешил возвращаться в школу. В его присутствии чувствовалось упрямое напряжение, молчаливое противостояние, которое не нуждалось в словах.

Для меня этот бункер был невыносимым местом. Тяжесть чувствовалась буквально физически, стены впитали в себя всё, что здесь происходило, и теперь не желали отпускать. Атмосфера давила, сгущалась, проникала под кожу. Воздух был затхлым, густым, пропитанным отчаянием и болью, им было трудно дышать. Он оседал в лёгких, оставляя после себя ощущение тревоги и тошнотворного холода.

Оказавшись снова здесь, я вернулась в страшное прошлое, туда, где страх был постоянным состоянием, а надежда не имела права на существование. Кольт чувствовал моё состояние через нашу связь. Он хотел помочь, хотя, по сути, уже делал это. Он забирал мою боль, ту самую, что разрывала моё раненое плечо, безжалостно разодранное вампиром. Но даже это не спасало полностью.

Плечо выглядело всё хуже. Рана продолжала кровоточить, несмотря на то что Николас перевязал её куском ткани, оторванным от своей рубашки. Кровь просачивалась сквозь повязку. А потеря крови делала меня слабой, лишала сил. Я балансировала на грани потери сознания. И только присутствие Кольта, его энергия, его тёмное, успокаивающее влияние, через нашу связь всё ещё удерживало меня в реальности происходящего.

— Нам нельзя здесь долго находиться, — твёрдо сказал Кольт, входя в комнату.

Мы расположились в одной из спален. Меня уложили на старую кровать, от которой тянуло отвратительным, застоявшимся запахом. Но сейчас это волновало меня меньше всего. Тело отказывалось реагировать на мелкие неудобства, всё внимание уходило на боль и на то, чтобы не потерять сознание.

Ник метался по комнате, словно загнанный зверь. Он шагал из угла в угол, сжимая челюсти, останавливался, снова начинал движение. В его напряжённых жестах читалась лихорадочная работа мысли, он просчитывал ситуацию, возможные последствия и дальнейшие шаги, понимая, что времени у нас почти не осталось.

— Их нужно уничтожить, — жёстко сказал Ник.

— Безусловно, — на удивление, не стал спорить Кольт. — Они крайне опасны. Я закрыл их в тех же камерах, где они находились раньше. Но это не выход.

Он замолчал, взвешивая каждое последующее слово. Напряжение повисло в воздухе. Затем Кольт продолжил:

— Я должен проверить, кто из них ещё не утратил человечность. Нельзя просто взять и перебить всех.

— Этого не будет! — резко вымолвил Ник. — Они жестоки и опасны. Этим тварей нельзя оставлять в живых.

— Жестоки и опасны здесь вы, — холодно ответил Кольт. — Дампиры, которые решили, что им всё позволено. Что они могут управлять самой смертью. И к чему это привело?

Ник впился в него едким, ненавидящим взглядом. Напряжение между ними было почти осязаемым, тяжёлым, готовым сорваться в новый бой. Они были готовы продолжить схватку, начатую при первой встрече, и лишь моё присутствие пока удерживало их от этого шага.

— У них есть такой же шанс на жизнь, как и у тебя, — процедил Кольт сквозь зубы.

— На какую жизнь? — усмехнулся Ник. — В них жизни не больше, чем в этом месте.

Он обвёл комнату рукой.

— Их нужно уничтожить.

Я буквально кожей ощущала злость Кольта, сдерживаемую с усилием. Раздражение, с которым он вынужден был мириться, терпя присутствие Ника, нарастало с каждой секундой.

— Сейчас и ты разделишь их участь, — прорычал Кольт, окончательно теряя это терпение, — если не заткнёшься.

— Кольт... — вымученно позвала я, давая ему понять, что этот спор пора заканчивать. Он был бессмысленным и опасным.

Они оба уставились на меня, словно только сейчас заметили, в каком состоянии я нахожусь. До этого момента я просто выпадала из их поля зрения. Кольт тут же подошёл ко мне и присел на край кровати. Он взял мою руку и сжал её, крепко, но осторожно. В этом прикосновении ощущалось куда больше, чем просто забота. Я ответила тем же, собирая остатки сил. Он видел и чувствовал, насколько мне плохо на самом деле. И именно это волновало его сейчас куда больше, чем стая обезумевших вампиров, запертых в клетках. Он не собирался воевать с ними изначально, до тех пор, пока они не стали угрозой для меня.

Ник смотрел на нас с плохо скрываемым отвращением. Он пытался держать лицо, но взгляд и напряжённые черты выдавали его с головой. Однако у меня не было сил обращать на это внимание. Сейчас это заботило меня в последнюю очередь.

— Виолу срочно нужно доставить в лазарет, — жёстко заключил Ник.

— Ваш лазарет, как и ваши лекари, ей ничем не помогут, — огрызнулся в ответ Кольт.

После возникновения связи с вампиром на меня больше не действовали магические силы, которыми обладали некоторые дампирры. Иногда это спасало. А в такие моменты, как сейчас, лишь усугубляло ситуацию.

Профессор Юдора Костаки обладала даром целительства. Она могла бы залечить моё плечо. Могла бы... если бы магия всё ещё имела надо мной власть. Но не сейчас. О том, что магия больше не действует на меня, Николас, разумеется, не знал.

— Это почему же? — поинтересовался Ник, но Кольт оставил вопрос без ответа. Я тоже не знала, что на это ответить.

— Если сейчас Виола не вернётся со мной в школу, — продолжил Ник уже более спокойно, — то потом вернуть её будет невозможно.

Слова задели. Я почувствовала, как внутри что-то слабо, но упрямо шевельнулось. Не облегчение, а скорее тонкая надежда, которой я не позволяла себе раньше.

— Ты думаешь, есть шанс? — переспросила я, хоть немного воодушевившись.

— Какая школа, чёрт возьми?! Этого не будет! — лицо Кольта исказилось от злости, в его взгляде явственно проступила угроза. — С чего ты вообще решил, что я позволю тебе уйти отсюда живым?

Слова прозвучали как вызов, холодный и окончательный. Николас ответил ему яростным взглядом и в тот же миг схватился за меч, готовый пойти в наступление. Движение было отточенным, инстинктивным, без тени сомнений.

— А тебя спрашивать никто и не будет! — отрезал он.

Воздух между ними натянулся до предела, одно неверное движение могло запустить бой, из которого уже не все выйдут живыми.

Я испугалась. Их вражда меня совершенно не устраивала. Как бы мы ни относились друг к другу, сейчас мы оказались в одной команде, хотим мы этого или нет, действовать нужно было сообща.

— О чём ты говоришь? — с вызовом обратилась я к Кольту, хотя в моём взгляде сквозила мольба. — Ты не посмеешь причинить ему вред. Он не враг.

— Да он первым же делом сдаст тебя! — не уступал Кольт.

— Я никогда не причиню вреда Виолетте! — вмешался Ник. — Я здесь только ради её безопасности.

— О какой безопасности ты говоришь, щенок? — Кольт презрительно сморщился. — Ты себя сначала защити.

— Хватит! — резко вмешалась я, чувствуя, что ещё мгновение, и их разговор перерастёт в бойню.

Они оба остановились и одновременно посмотрели на меня. В их взглядах было одно и то же, холодная, враждебная решимость. И именно тогда я поняла, если я сейчас не удержу их, нас всех это погубит.

— Как ты можешь оставаться там и доверять им после всего произошедшего? — выжидающе, с напором спросил Кольт. Он сделал паузу, намеренно усиливая каждое слово. — Доверять ему? Какие у тебя гарантии, что они тебя не тронут?

В его голосе звучало не просто раздражение, там была жёсткая попытка достучаться. Не угроза, а требование ответа, от которого уже нельзя уйти молча.

Но я промолчала. Гарантий не было. Я и сама всё ещё не представляла, как смогу вернуться к обучению. Профессор Раллис объявил всем, что у меня пробудилась жажда крови. Что я была уничтожена. Что меня больше нет. А ведь я жива. Это ощущение казалось абсурдным, существовать вопреки словам, вопреки приговору, который уже прозвучал. Быть здесь, дышать, чувствовать и при этом числиться мёртвой. И всё же я верила Нику. Верила в то, что он не станет сдавать меня, не расскажет мои тайны, не предаст. Возможно, это всего лишь слепая вера, хрупкая, ничем не подкреплённая. Но мне отчаянно хотелось, чтобы она оказалась правдой. Мне действительно хотелось верить ему.

— Я должна... — вымученно произнесла я.

Слова дались с трудом, каждое из них приходилось вытаскивать из себя силой.

— Нет! — резко перебил Кольт.

— Ты вообще кто такой, чтобы решать за неё? — Ник мгновенно включился в спор. — То, что ты смог подчинить фералов, ещё не даёт тебе право здесь что-то решать. А может, это ты их и создал?

Он произнёс это с таким презрением, будто выплюнул слова прямо в лицо. Реакция Кольта последовала мгновенно. В следующую секунду он сорвался с места, вскочив с кровати и собираясь напасть на Ника. Но моя рука удержала его, слабое, отчаянное движение, ставшее единственным препятствием между ними. Это далось мне с трудом. Боль вспыхнула сразу, прокатилась по телу, вонзилась в плечо тонкими, острыми иглами.

Я не смогла сдержать крик:

— А-а-а...

Кольт тут же переключил всё внимание на меня. Ник тоже, он хотел подойти, утешить, помочь, но не сделал этого. Присутствие Кольта рядом со мной останавливало его. К тому же

я сама интуитивно тянулась к вампиру, только рядом с ним боль отступала, дыхание выравнилось, мир переставал плыть. Кольт снова взял меня за руку и присел рядом. Боль начала отступать. Я глубоко выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает.

— Я не смогу защитить тебя там... — наконец тихо сказал Кольт.

В его голосе не было давления, лишь сухая констатация факта. Это был последний аргумент, который он мог себе позволить. И в этом было что-то неожиданное. Впервые он был готов согласиться с моим желанием. Раньше он всегда решал сам, а я принимала его решения и молча смирялась с ними, выбора у меня не было.

Я видела и чувствовала его внутренний бой с самим собой. На самом деле он не хотел слушать ни полуслова. Его истинным желанием было убрать Ника, забрать меня и исчезнуть отсюда, как можно дальше, туда, где никто и ничто не смогло бы до нас добраться. Но именно из-за меня он этого не делал. Из-за моих чувств, моих привязанностей, всего того, что имело для меня цену и смысл. Ради этого он заставлял себя сдерживаться, боролся с собственным внутренним зверем, с тем, кем он был уже многие десятки лет. Это давалось ему катастрофически тяжело. Впервые за долгое время своего бессмертия он столкнулся с человечностью так близко и так остро, что она буквально врезалась в него, в сознание, в чувства, в самую суть. Через нашу связь он получил не только мою тьму, но и мои эмоции, мои переживания. Они разрывали его изнутри, не уживались с его природой, шли с ней в прямое столкновение. И всё же он понимал это. Понимал, и изо всех сил старался удержать хрупкий баланс.

Я тоже это понимала. И старалась не давить на него, не действовать нахрапом, не требовать. И лишний раз не злить его. Мне нужно, чтобы он услышал меня. Чтобы понял всю серьёзность и важность моего возвращения, не как прихоть, а как осознанный выбор, от которого я не могла отказаться.

— Я не смогу остаться в стороне, — произнесла я. — Там мои друзья. Моя наставница...

При мысли об Александре, моей наставнице в глазах защипало. Она вырастила меня, была всегда рядом. Я любила её и не находила себе места от тревоги. Она пропала, улетела в Грецию по вызову Совета дампиров, и с тех пор от неё не было ни писем, ни вестей. Кольт чувствовал, насколько она для меня важна. И, что удивительно, он принял это. Хотя, на самом деле, ему не было дела ни до неё, ни до моих друзей, их существование или отсутствие для него ничего не меняло.

— Хорошо, — после недолгих раздумий отозвался вампир.

Он позволил услышать своё согласие только мне. Нику он не собирался показывать свою слабость. А его слабостью теперь была я.

Я улыбнулась ему в ответ. В этом взгляде было больше благодарности, чем слов.

— Но не раньше, чем я помогу тебе поправиться, — продолжил он уже громко и твёрдо. Тонем, не терпящим возражений.

Я не стала спорить, хотя и не представляла, каким образом он собирается меня лечить.

— Надеюсь, это не займёт много времени, — произнесла я с намёком на необходимость ускориться.

— Ты-то чем ей поможешь? — Ник присоединился к разговору, в его голосе всё ещё звучала ненависть. — Вампиры не обладают даром исцеления. И у нас нет времени. В школе сейчас будут наводить порядок после случившегося, подсчитывать жертвы. Мы не можем долго отсутствовать, это будет выглядеть подозрительно.

В его словах был смысл. Но что-то внутри подсказывало мне, истинная причина заключалась не только в этом. Скорее всего, Ник беспокоился за свою тётку, Кирию Екатерину, которая по совместительству являлась директором школы дампиров. Она наверняка забьёт тревогу, если не увидит своего племянника в числе живых. Он мог не говорить об этом вслух. Но я чувствовала, именно это и заставляло его спешить.

Кольт поднялся и медленно подошёл вплотную к Николасу. В его движениях не было суеты, лишь холодная, выверенная решимость. Вокруг его тела сгущалась тьма, тёмная аура мягко пульсировала, делая воздух плотнее. Я тут же напряглась и попыталась приподняться с кровати.

— Мне наплевать на вашу школу и на всё остальное, — произнёс он ровно. — Освободи комнату, щенок.

Договорив, Кольт впился в Ника презрительным взглядом и сжал кулаки. Это не было пустой угрозой, скорее предупреждением. Если Николас не выйдет добровольно, его выпроводят силой.

У Ника заиграли желваки. Никогда и никто не позволял себе разговаривать с ним в таком тоне. Он просто этого не допускал. Николас с достоинством выдержал взгляд Кольта и ответил ему дерзкой ухмылкой.

— Следи за языком, — процедил он. — На меня твои угрозы не действуют, дохлый кусок мяса. Я не оставлю Вил с тобой наедине.

В глазах Кольта вспыхнула ярость, резкая, неконтролируемая.

— Сколько можно... — не выдержав, вновь вмешалась я.

Их диалог висел на волоске, готовый в любую секунду перерасти в жестокий, беспощадный бой.

— Ник, пожалуйста, — продолжила я, собирая остатки сил. — Подожди меня в другой комнате. Если Кольт не поможет мне... я погибну прямо на этой убогой кровати.

Ник не сразу посмотрел на меня. Ещё несколько секунд он сверлил недоверчивым взглядом того, кто стоял перед ним, словно непреодолимая скала, затем метнул быстрый взгляд в мою сторону. В нём читались недовольство происходящим, непонимание и полное бессилие...

Он ещё некоторое время стоял, не двигаясь, взвешивая решение. А затем, не сказав ни слова, развернулся и вышел. Дверь захлопнулась резко и шумно, оставив после себя тяжёлую тишину. От всей этой ситуации становилось ужасно паршиво. Но сделать я ничего не могла. И, пожалуй, именно это оказалось самым тяжёлым. Ведь мои собственные чувства к Кольту изначально были такими же. Ненависть, презрение, недоверие и злость. Осознание того, что мне приходится идти на поводу у того, кого по всем законам я должна была убить, до сих пор отзывалось внутри горьким, болезненным эхом.

Кольт быстро подошёл ко мне, легко поднял на руки и усадил к себе на колени. Движение было привычным, чтобы в нём не чувствовалось скрытого смысла.

Неужели он собирается пить мою кровь?

Первая мысль скользнула в голове. Я и так потеряла её слишком много. Ещё немного, и можно будет считать, что я уже одной ногой по ту сторону. Но взгляд Кольта оставался чёрным и ровным. В нём не было ни жажды, ни голода, ни того опасного алого блеска. Это означало одно — подобного намерения у него не возникло.

— Что ты собираешься делать? — спросила я с осторожным любопытством, всё ещё не понимая происходящего.

— Есть только один способ помочь тебе, — серьёзно ответил он, глядя мне прямо в глаза.

Его взгляд оставался спокойным. Даже немного озадаченным. Он сам до конца не был уверен, что готов сделать то, что задумал.

— И какой же? — спросила я, чувствуя, как нарастает страх.

Он не отвёл взгляда.

— Выпить мою кровь.

Внутри всё сжалось, от его слов.

Нас всегда учили не пить кровь. Никогда не пробовать её. Объясняя тем, что это может запустить процесс обращения в вампира. И пусть Кольт когда-то уверял меня в обратном, до конца поверить ему я так и не смогла. А сейчас, когда речь шла о крови вампира, сомнение

стало парализующим. Я совершенно не была уверена, что этот шаг приведёт к исцелению, а не к чему-то куда более необратимому.

— Ты уверен? — осторожно спросила я. — Неужели нет другого выхода?

— Нет, — твёрдо ответил Кольт. — Кровь вампира бесполезна для всех существ. Но именно для тебя моя кровь станет исцелением. Так как мы связаны. Мы одно целое.

Он не стал тратить время на дальнейшие объяснения. Не оставляя мне возможности передумать, Кольт снял повязку с моего плеча и резко надкусил своё запястье. Кожа легко поддалась его клыкам, словно была тоньше человеческой, хотя я точно знала, что на самом деле это совсем не так. Из ранок тут же хлынула тёмная, почти чёрная жидкость, густая, плотная, непривычная на вид.

Рана заживала слишком быстро. Кольт сразу поднёс запястье к моему рту, не давая времени на сомнения. Я осторожно коснулась губами его кожи. Во рту тут же появился странный вкус, это отдалённо напоминало кровь. Жидкость была холодной, плотной, насыщенной чем-то чужеродным. Я сделала один глоток. Потом второй. С каждым движением горла ощущение внутри меня менялось, не тепло, а скорее глубокое, медленно расплзающееся по телу онемение.

Когда я сделала несколько полноценных глотков, я поняла, что рана на его запястье уже затянулась. Кожа была снова целой, будто ничего и не происходило. Кольт убрал руку и тут же переключил внимание на моё плечо. Его взгляд стал сосредоточенным, отстранённым. Он наблюдал, проверяя, достаточно ли этого или потребуется ещё.

Ждать долго не пришлось. Я почувствовала изменения сразу. Сначала, лёгкое покалывание глубоко внутри раны, затем нарастающее давление, ткани начали медленно оживать. Боль не исчезала мгновенно, она трансформировалась. Стала глубже, тянущей, похожей на ощущение, когда кости и мышцы начинают срастаться после перелома. Я отчётливо ощущала, как кровь перестаёт сочиться. Сосуды сжимались, закрывая повреждения. Затем начали стягиваться сухожилия, медленно, одно за другим, возвращаясь на своё место. Мышечные волокна сокращались и уплотнялись, будто кто-то аккуратно, слой за слоем, восстанавливал структуру изнутри.

Кожа затягивалась последней. Я чувствовала, как она становится ровной, гладкой, как исчезает ощущение разорванной плоти. Спустя несколько секунд от раны не осталось ничего, лишь слабое тепло и странная, непривычная лёгкость в плече. Словно травмы никогда и не было. Моё дыхание выровнялось. Сознание прояснилось. Слабость, ещё недавно тянувшая меня к обмороку, медленно отступала. Это не было обычным исцелением. Это было вмешательство на глубинном уровне, пугающе точное и эффективное.

— Но... как? — только и успела спросить я, не веря собственным ощущениям.

Кольт ответил улыбкой, сдержанной, самодовольной.

Осознание того, что я снова в форме, цела и невредима, накрыло внезапно. Я не попрощалась ни с жизнью, ни с рукой, и это чувство оказалось сильнее осторожности. Я обняла его. Объятие вышло куда более интимным, чем я ожидала. Я почувствовала его запах, холодный древесный аромат, кедр, тёмный сандал, сухая кора, будто лес ночью. Под ладонями ощущались его плечи, напряжённые мышцы рук. Он обнял меня в ответ, не требовательно, а медленно, с осторожной нежностью, проверяя границу дозволенного.

Это прикосновение оказалось слишком настоящим. В памяти всплыл наш поцелуй, случайный, быстрый. Его губы, одновременно нежные и опасные. Я не заметила момента, когда по телу прокатилась волна жара, густая и тягучая, сбивающая дыхание. Кольт почувствовал это сразу. Он всегда чувствовал то же, что и я. Но теперь в этом было что-то ещё, не только отклик связи. Это было его собственное желание. Я отчётливо ощущала, как его тело и разум реагируют на меня, на мои прикосновения, на запах моей кожи. И именно в этот момент я

поняла, нас связывает не только тёмная энергия. Было что-то ещё. Что-то куда более сложное и опасное. И, возможно, то, в чём мне хотелось разобраться, несмотря на все последствия.

Я отстранилась и посмотрела ему в глаза. Взгляд получился тяжёлым, тягучим, в нём было сказано куда больше, чем я могла бы произнести вслух. Кольт ответил тем же. Он продолжал удерживать меня, изучая взглядом, смотрел не просто в глаза, а глубже, в самую суть. В душу. И это пугало куда сильнее, чем всё, что произошло до этого.

— *Теперь ты равна мне по силе,* — мысленно обратился он ко мне.

Его голос прозвучал тихо, прямо в моём сознании, он не хотел, чтобы это услышал кто-то ещё, хотя в комнате мы были одни.

— *Почему ты так думаешь?* — так же мысленно спросила я.

— *Связь начинает работать в полную силу только в том случае, если ты тоже пьёшь мою кровь,* — ответил он, продолжая наш мысленный диалог.

— Почему ты раньше этого не говорил? — вырвалось у меня вслух. В голосе прозвучали недоверие и недоумение.

— Чтобы ты убила меня? — усмехнулся он, и даже в этой улыбке чувствовалась осторожность.

Это было ожидаемо. И в каком-то смысле логично. Он брал, не раскрывая всех карт, не отдавая мне тех преимуществ, которые я тоже могла получить от нашей связи.

Кольт усадил меня рядом с собой. Я почувствовала неловкость от того, что не пересела сразу и продолжала сидеть у него на коленях. К лицу прилила волна жара и смущения. Я постаралась не подать вида, хотя, кажется, Кольт всё равно это заметил. На его губах появилась лёгкая улыбка, совершенно не относящаяся к нашему разговору, а в глазах вспыхнули искорки.

— И как долго продлится этот эффект? — поинтересовалась я, делая вид, что ничего особенного не произошло.

— Как обычно, — ответил он. — Пока тьмы внутри тебя не станет слишком много.

— А что случилось с профессором Раллисом? Я не видела его в школе. — спросила я, меняя тему.

— Он перевоплотился и стал вампиром, — спокойно ответил Кольт, говоря об этом так же буднично, как о любой другой вещи.

Меня передёрнуло.

— Он был моей целью, — продолжил он задумчиво. — Я уже поймал его, но не успел ничего сделать.

Кольт на мгновение замолчал.

— Я почувствовал, что ты ранена, и отправился к тебе. Он воспользовался этим и сбежал.

Кольт смотрел куда-то в пространство. Его взгляд был отстранённым, он уже выстраивал в голове план по поимке профессора. Судя по всему, это было для него важно. Я не стала уточнять детали. Время поджимало, да и у меня оставался ещё один вопрос, тот, на который мне было жизненно необходимо получить ответ.

— Почему, когда вампир впился в меня, он не смог пить мою кровь? — я запнулась, собираясь с мыслями. — Его словно кислотой обожгло...

В памяти всплыла эта картина, искажённое лицо, пена из изуродованного рта. Меня накрыла волна тошноты, и я с трудом сглотнула.

— Это воздействие связи, — ответил Кольт с лёгким, хищным прищуром. На его губах снова появилась самодовольная ухмылка. — Пока мы связаны, никто другой не сможет пить твою кровь. Это означало бы возникновение новой связи.

Он говорил наставительно.

— Поэтому для них твоя кровь, как кислота. Связь оберегает тебя от других вампиров, — продолжил он. — Но не защищает от их нападений. Как видишь, ранить тебя он смог без особых проблем.

Кольт перевёл взгляд на моё плечо, уже зажившее, чистое, словно на нём никогда и не было раны.

— Ты уверена, что тебе стоит возвращаться в школу? — он внимательно посмотрел на меня, изучая мою реакцию. — Там больше нет смысла оставаться.

— Уверена, — твёрдо ответила я.

— Но у тебя другой путь, — продолжил он. — Ты никогда не была и не станешь обычным вампиром. Остаться там, среди них, для тебя опасно.

Я закрыла лицо руками, понимая и принимая всю серьёзность своего решения. Возвращение в школу больше не было просто шагом назад, это осознанный риск.

— Я не могу иначе...

Кольт не стал спорить. Он видел, что я настроена решительно. Поднявшись, он подошёл к двери, собираясь выйти, и уже на самом пороге бросил мне через плечо:

— Держись ближе к Дориану Парису.

И вышел, без объяснений, без лишних слов, оставив после себя тяжёлую, тревожную тишину.

Глава вторая

Впереди предстояло возвращение в школу, и я совершенно не представляла, как это будет. Что мне скажут? Примут ли меня обратно или, напротив, заподозрят в чём-то ещё более опасном? И что скажет Ник, как именно он поможет моему возвращению? Чтобы не мучить себя сомнениями, я собралась с силами и шагнула навстречу своей судьбе.

Бункер был для меня местом морально и энергетически тяжёлым, поэтому покидала я его с облегчением и поспешно. Мне хотелось оказаться под открытым небом как можно скорее.

Выйдя на улицу, я сразу заметила Ника и Кольта. Они стояли друг напротив друга в напряжённых позах, буквально пожирая друг друга взглядами. Воздух между ними был наэлектризован, ещё одно слово могло превратить молчание в схватку.

— Если с неё упадёт хоть один волосок, ты попрощаешься с жизнью, — донёсся до меня угрожающий голос Кольта. — Я тебя из-под земли достану.

— Я ей не враг, в отличие от тебя! — с той же угрозой в голосе бросил Ник.

Кольт резко схватил его за грудки и, наклонившись, буквально прошипел ему в лицо:

— Следи за языком, щенок.

Я поспешила к ним, пока всё это действительно не переросло в драку. Заметив меня, Кольт нехотя отпустил Ника.

Ник же, увидев меня, тут же перевёл взгляд на моё, теперь уже целое и здоровое плечо. На его лице на мгновение застыл немой вопрос: *как?* Но он так и не задал его, быстро взяв себя в руки.

— Нам пора, — сказала я, обращаясь к Кольту.

В груди что-то болезненно кольнуло, чувство, похожее на досаду и горечь. На самом деле, инстинктивно мне действительно хотелось остаться с Кольтом. Как ни странно, но именно рядом с ним сейчас я чувствовала себя спокойнее и безопаснее всего. И дело заключалось не только в ощущении защиты. Между нами оставалось что-то ещё. Новое, недавно проснувшееся чувство, до сих пор мне неведомое, буквально кричало, требуя остаться. Оно тоскливо давило на грудь так, что становилось трудно дышать.

Но я взяла себя в руки. Сейчас не время поддаваться эмоциям и чувствам, нужно слушать разум. Кольт чувствовал моё состояние. И разделял его. Он подошёл ко мне и нежно обнял. В этот момент я услышала его мысленное обращение:

— *Если у тебя возникнет срочная необходимость связаться со мной, обратись к Дориану Парису.*

Это был уже второй раз, когда он называл имя нашего преподавателя.

Значит, они заодно? Вслух я ничего не ответила, лишь удивлённо посмотрела на него.

Время поджимало.

Николаас отошёл в сторону. Ему не нравилось моё прощание с вампиром. И я не сомневалась, позже он обязательно устроит мне допрос, подробный, жёсткий, без единого пропущенного вопроса. И я была к этому не готова.

Мы с Ником направились в сторону школы. Я плохо ориентировалась в этой местности и легко могла заблудиться, так как здание самой школы отсюда не просматривалось. Поэтому я просто шла следом, полностью доверяясь Нику. Он двигался быстрым уверенным шагом, безошибочно выбирая путь. По его напряжённой походке, по сдержанности движений чувствовалось, как сильно он хотел покинуть это место. Ник находился там только из-за меня.

Кольт остался в бункере. Ему предстояло разобраться с вампирами, которые всё ещё находились там. Он собирался решить этот вопрос как можно быстрее, так как прекрасно понимал, что как только Ник доберётся до школы, он сразу направит туда основную охрану, чтобы уничтожить всё, что осталось от вампиров.

Когда мы отошли на достаточно большое расстояние от бункеров, Ник внезапно остановился и посмотрел на меня серьёзным взглядом. Его обычно тёплые, почти ласковые глаза потемнели, наполнились холодом и приобрели серый оттенок. Я тут же напряглась. Вот он, настал час вопросов. Я мысленно собралась, понимая, что Ник захочет знать всё и в подробностях. Ему даже не нужно было начинать спрашивать, я и так знала, о чём будут его вопросы.

Ник нервно провёл ладонью по лицу и только теперь позволил напряжению взять верх.

— Что всё это значит, Вил? — его голос был на удивление спокоен. — Кто этот вампир? И что за отношения у вас?

Он посмотрел на меня выжидающе, требовательно, не оставляя пространства для ухода от ответа.

— Я не знаю, кто он, — честно призналась я. — Он неожиданно появился в моей жизни. Я запнулась, подбирая слова и даже не думая о том, насколько убедительно они звучат.

— Он просто сам появился в моей жизни... и помогает мне.

— Что за ерунда, — отрезал Ник.

По его лицу было видно, он совершенно ничего не понимает. Да и я не была готова раскрывать все карты и выкладывать о себе всю правду.

— Где ты его вообще встретила? — продолжил он. — Это было ещё до поступления в школу?

Я бросила на него гневный взгляд, вспоминая тот вечер и то, как именно всё произошло.

— А в этом как раз ты виноват! — не теряя времени, перешла я в наступление, отказываясь оправдываться.

— Я?! — Ник опешил. — Какого чёрта это я виноват?!

— Меньше надо было путаться со всякими Эммами, — в моём голосе прозвучал явный укол ревности.

— При чём тут она? — он сжал переносицу, не понимая, о чём я говорю.

— Объясни всё нормально.

Я резко выдохнула, стараясь взять эмоции под контроль.

— Он поймал меня, когда я осталась одна, — мой голос стал холодным, бесстрастным, как сухая констатация факта. — В тот вечер, когда на вечеринке ты с Эммой обжимался у меня на виду!

Он не ответил сразу, напрягая память и прокручивая в голове события того вечера.

— Я не обжимался с ней у тебя на виду, — наконец сказал он. — Я вообще увёл её, чтобы было как можно меньше лишних глаз.

— Ах так... — я снова начала закипать. — Не надо сказки мне рассказывать, я вас прекрасно видела!

Ник тоже начал раздражаться.

— Я вообще не понимаю, как это может быть связано с вампиром. С вампиром! — он намеренно повторил это слово, подчёркивая всю серьёзность происходящего.

— Я видела вас и ушла оттуда одна, — ответила я. — Заблудилась... именно тогда он меня и нашёл. Одну.

Я не стала вдаваться в подробности, тем более вспоминать, какие чувства вызвал у меня его поцелуй с Эммой.

— Так что это полностью твоя вина! — со злостью уставилась я на него.

— Ах... моя, — произнёс он медленно.

По его лицу было ясно, такого поворота событий он не ожидал.

— Во-первых, я не знал, что ты была свидетелем происходящего. Во-вторых, моя личная жизнь, это моё дело. И, в-третьих... — он на мгновение замолчал, собираясь с мыслями, — я связался с ней только из-за тебя!

— Что за бред ты говоришь? — я нахмурилась, не веря услышанному.

— Екатерина прямо заявила, что отправит тебя Совету, если я буду и дальше с тобой общаться, — жёстко произнёс он. — По её словам, ты «не в порядке» и не можешь продолжать обучение.

Он говорил быстро, жёстко, выплёвывал слова, не успевая обдумать их до конца.

— Поэтому, чтобы ты не пострадала, я и связался с Эммой. Мне нужно было убедить Екатерину в том, что ты мне не интересна.

Он замолчал, а я задумалась. Значит, он начал отношения с Эммой только из-за меня. Это осознание вызвало во мне странную, противоречивую смесь чувств, облегчение, злость, ревность, досаду.

— Как же это благородно с твоей стороны... — с ехидством заметила я. — Если бы ты был бы рядом со мной, ничего этого бы не произошло!

Я перешла на крик. Голос дрожал, срывался, но остановиться я уже не могла. Всё, что копилось внутри, рвалось наружу.

— Ты играл с чувствами, вот и получай результат своих игр. Можешь и дальше строить отношения с кем хочешь. Оправдывать это Екатериной или как угодно, мне уже всё равно!

Слова били резко, без пощады, я пыталась ранить его, чтобы наконец стало легче.

— Я никогда не имела для тебя значение, только одни пустые слова...

Последняя фраза далась особенно тяжело. Она прозвучала тише, но боль в ней ощущалась сильнее любого крика.

Я резко развернулась и пошла дальше в сторону школы, давая понять, что разговор окончен. Мне нужно было уйти, физически, немедленно, пока я окончательно не рассыпалась прямо здесь. На глаза накатывали слёзы, но я сдержалась. Я не позволила им пролиться. Не сейчас. Не при нём. Горло сжало, дыхание стало неровным, но я шла дальше, заставляя себя не оглядываться.

Было непросто признать тот факт, что Ник просто отказался от меня тогда. Так легко. Так просто. Он спасовал перед сложностями. Выбрал своё спокойствие и спокойствие своей тётки, а не чувства, которые могли зародиться, между нами. Даже не дав им шанса стать чем-то большим. И от этого становилось особенно горько.

Хотя...

Что такое чувства для дампира?

Пустое слово. Помеха. То, чего мы не можем допускать. То, что станет слабостью в жестокой жизни дампира-охотника, чьё предназначение, всю жизнь быть в одиночестве и убивать, уничтожать, выживать. Забыть про человечность, нежность, заботу и... забыть про любовь.

Эти мысли накрывали тяжёлой волной. Правду всегда сложно признавать и принимать, она слишком жестокая. И всё же вопрос жёг изнутри, не давая покоя, чем же мы тогда отличаемся от вампиров, если сами глушим и убиваем в себе всё. Чувства, эмоции, душу?..

Николас догнал меня и развернул к себе, не убирая рук. Его пальцы сжались на моих плечах крепче, чем было необходимо, не больно, но достаточно, чтобы я почувствовала вес этого жеста. Резкое движение выбило воздух из груди, заставив сердце на мгновение сбиться с ритма. Я подняла на него взгляд, уже зная, что услышу.

— Ты хочешь сказать, что на тебя так сильно повлиял мой поцелуй с Эммой, что ты всё бросила и ушла одна в глушь?

В его голосе звучало что-то вызывающее.

Я ответила ему холодным взглядом. Холод был не напускным, он поднялся изнутри, из той части меня, которая давно научилась защищаться. Как ни странно, но это осталось в прошлом, в моей прошлой жизни, до связи с вампиром. Тогда я ещё позволяла себе чувствовать иначе, надеяться и верить. Даже несмотря на то, что мне до сих пор становилось больно, сейчас я оставила всё позади. Здесь уже не над чем было думать, так как изменить всё равно уже ничего нельзя.

Эта мысль была ясной и окончательной, без истерики, без иллюзий. Я та, кто я есть, и Ник никогда не принял бы меня такой.

— Всё в прошлом, — шёпотом ответила я. Но он всё расслышал. — Нам пора.

Слова дались легко, будто я уже проговаривала их десятки раз. Ник смотрел на меня изучающе, пытаясь найти отклик в моих глазах, но его встретил холод. Ни тени сомнения, ни просьбы, ни боли, только ровная, выстроенная стена, за которую я больше никого не пускала.

— Хорошо, — коротко ответил он, понимая, что настаивать дальше на разговоре бессмысленно.

Он произнёс это ровно, без давления, но в этом спокойствии чувствовалась сдержанная угроза, не злая, а неизбежная.

— Мы ещё вернёмся к этому разговору...

Последние слова повисли в воздухе тяжёлым эхом. Это было не предложение и не попытка продолжить, а скорее обещание, отложенное во времени. Я знала, этот разговор не исчезнет, он просто ждёт своего часа.

Между нами повисла пауза, плотная, тяжёлая, наполненная недосказанным. Нам нужно было успокоиться. И времени на выяснения оставалось крайне мало.

В школу мы вернулись вместе. Оставшуюся часть пути уже не разговаривали. Каждый пребывал в своих мыслях, и я чувствовала, как они тянут меня внутрь, заставляя снова и снова прокручивать одно и то же. Чем ближе мы подходили к школе, тем страшнее мне становилось. Страх нарастал медленно, но неумолимо. Я возвращалась туда из мёртвых, и с какой реакцией меня встретят, было неизвестно. Эта неизвестность давила сильнее любых угроз.

— Я буду говорить, просто держись рядом, — посерьёзнев, произнёс Ник, когда мы вышли на территорию школьного двора, который стал мне уже родным местом так быстро.

Сейчас Ник выглядел строгим, собранным, готовым принять удар на себя.

— Хорошо, — ответила я с нарастающей дрожью в голосе.

Единственное сказанное слово выдало меня с головой. В данный момент я даже не знала, что бы я вообще сказала директорисе и всем остальным. Мысли путались, не складываясь в связную речь. И как оправдала бы своё отсутствие, так как говорить про мой тёмный дар мне совсем не хотелось Екатерине. Это было слишком личным, опасным. А он и был основной причиной, по которой Коста Ралис охотился на меня.

Ник заметил дрожь в моём голосе, его взгляд тут же потеплел. В этом взгляде мелькнула не строгость, а забота. Он остановился и взял меня за руку. Его прикосновение было неожиданно тёплым и уверенным, он возвращал меня в реальность.

— Всё будет хорошо.

Я ничего не ответила, лишь сглотнула ком, предательски засевший в горле. Слова застряли где-то внутри, не желая выходить наружу. Но руку из его ладони я не убрала. Это было инстинктивно, единственная точка опоры в происходящем.

— Ты веришь мне? — спросил он, ласково сжимая мою руку в своей широкой и тёплой ладони.

Вопрос был простым, но слишком важным.

— Верю.

Мы направились в корпус преподавателей.

В школе царил хаос и беспорядок. Он ощущался не только взглядом, его можно было почувствовать кожей, вдохнуть вместе с воздухом. Несмотря на то, что Кольт уже достаточно давно увёл фералов, здесь всё ещё сохранялась тяжёлая атмосфера. Казалось, само пространство запомнило крики, страх и последние мгновения тех, кто не выжил. Слишком много погибших, пострадавших...

Обезглавленных вампиров к этому времени уже сожгли, чтобы их тела не оставались на территории школы. В воздухе всё ещё стоял удушливый запах гари и горелой плоти, въедливый, не дающий забыть о случившемся ни на мгновение. На камне и земле остались тёмные, обугленные пятна, следы огня, впитавшиеся в поверхность. Даже там, где пламя давно погасло, пространство казалось выжженным, мёртвым, лишённым прежней жизни.

Тела убитых дампиров собрали и уложили во дворе. Их накрыли, так что разглядеть погибших было невозможно, но это не делало зрелище менее тяжёлым. Грудь сдавило от увиденного, и сердце болезненно сжалось, не позволяя остаться равнодушной. Ник шёл рядом, не отпуская мою руку. Я почувствовала, как он напрягся, увидев все последствия произошедшего. Его челюсть сжалась, взгляд потемнел. В его глазах отражались гнев, ярость и ненависть.

Столько жизней утрачено, и всё из-за личных амбиций одного существа. Эта мысль обжигала, вызывая внутри горькое, тяжёлое осознание несправедливости. Радовало только то, что план Раллиса всё равно не воплотился в жизнь полноценно, тогда результат был бы ещё хуже и фатальнее. Стоило представить, чем всё могло закончиться, как по спине пробегал холод. Об истинных намерениях профессора Раллиса Ник тоже не знал, и от этого мне становилось легче. Не потому, что правда была неважной, а потому что сейчас он и так нёс на себе многое. Слишком много правды открылось перед ним.

Во дворе не было никого из учеников, поэтому узнать, кто жив, а кто нет, я пока не могла. Пустота вокруг давила сильнее шума. В ней скрывалось больше, чем хотелось замечать. Но я очень надеялась, что с моими подругами всё хорошо. Эта надежда была хрупкой, наивной, но мне так хотелось сейчас в это верить.

Выжившие дампиры из службы охраны продолжали наводить порядок после бойни. Кто-то был ранен. Бросались в глаза неловкие шаги, напряжённые плечи, следы крови на форме, но они всё равно не сидели сложа руки. Дампиры очень выносливы, поэтому даже после полученных ран и долгого боя они возвращались к своим обязанностям, не имея права на слабость. В этом было что-то пугающе привычное. Когда они замечали нас с Ником, просто кивали ему в знак приветствия, сдержанно, полностью игнорируя меня.

Чем ближе мы приближались к корпусу, тем сильнее и отчётливее я ощущала удары моего сердца. Оно билось громко, настойчиво, отдаваясь в висках и груди. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего.

Сейчас решалась моя судьба.

В корпусе мы нашли Екатерину слишком быстро. Она раздавала распоряжения преподавателям, и всё вокруг неё находилось в постоянном, чётко выстроенном движении. Директриса выглядела очень серьёзной. А её деловой костюм был абсолютно цел и без следов крови, что

означало одно, в бойне она не участвовала. Это бросалось в глаза контрастно на фоне всего увиденного во дворе.

Стоило нам войти в помещение, как я тут же поймала на себе недоумевающие взгляды всех присутствующих, включая Екатерину. Они цеплялись, скользили по мне, пытались убедить, что я действительно здесь и я жива. Не знали, как реагировать на меня.

Екатерина тут же подошла к Нику и обняла его. Движение получилось быстрым, импульсивным. Было заметно, как напряжение наконец отпустило её. Она позволила себе облегчённо выдохнуть, увидев его живым и невредимым. Всё это время она держала себя в жёстких рамках. Екатерина наспех осмотрела его, проверяя не только раны, но и то, что он действительно стоит перед ней.

— Ты так напугал меня, — тихо сказала она, чтобы услышал только он, но я стояла близко и уловила дрожь, проскользнувшую в её голосе. Эта дрожь казалась неуместной, человеческой. Она любила его, что крайне недозволительно для дампов.

Затем она перевела взгляд на меня, и он тут же налился злостью и яростью, будто я была причиной и зачинщиком всего произошедшего. В этом взгляде не осталось ни сомнений, ни вопросов, только обвинение, резкое и беспощадное.

— Охрана, — громко прокричала она, — арестовать её!

Сердце упало в пятки. На мгновение я перестала ощущать пол под ногами, всё тело стало невесомым и одновременно тяжёлым, чтобы сделать шаг. В груди образовалась пустота, а дыхание сбилось, застряв где-то между вдохом и выдохом.

— Нет, — тут же отозвался Ник, — ты не можешь её арестовать!

Его голос прозвучал жёстко, без полутонов.

Он встал между мной и Екатериной, закрывая меня собой.

Его лицо стало серьёзнее, собраннее. В этом было больше, чем просто несогласие. Он пытался без слов дать понять, что это не лучшая идея. И что не позволит.

Не сейчас. Не так. И не со мной.

По лицу Екатерины пробежала короткая волна раздражения — почти незаметная, но слишком резкая, чтобы её не уловить. Екатерина заметно изменилась, похолодела, окончательно приняв решение. Но быстро взяла себя в руки, выпрямилась, возвращая привычную маску контроля.

— Не мешай мне, Николас, она объявлена как переродившаяся. Я не могу позволить ей остаться.

Екатерина произнесла это отчётливо выговаривая каждое слово. В её решении не осталось сомнений. Порядок. Правила. И холодная логика, не допускающая исключений.

— Но ты сама видишь, что это не так, она дампов, её сердце бьётся.

Он старался говорить спокойно, удерживая голос в ровных рамках. Но я чувствовала, как это спокойствие даётся ему с усилием, хотя внешне он сохранял собранность. Напряжение ощущалось в воздухе, натягивая его до предела, ещё одно слово могло стать точкой невозврата.

— Ты не можешь встать у меня на пути и оспаривать мои приказы! — она буквально буравила Ника взглядом, пытаясь подавить его силой своей власти, но это не заставило его отступить ни на шаг.

— А ты, как директор школы дампов, должна быть справедлива и объективно оценивать ситуацию, не основываясь на личные чувства.

Слова задели Екатерину. Это читалось по едва заметному напряжению в лице, по тому, как сбился её ровный, выверенный контроль. Ник ставил её сейчас в неловкое положение, причём публично. Ведь если она действительно арестует меня, дампера, это может показаться странным, так как других обвинений, кроме как перевоплощение, в мой адрес не было. Слишком шаткое основание для столь жёсткого решения.

Все стояли в ожидании, глядя на нас. Никто не решался ни вмешаться, ни отвести взгляд. Глаза Екатерины сузились в тонкую линию, она приподняла подбородок, давая Нику понять, что она это просто так не оставит и уступать не собирается.

— Охрана... отведите Виолетту в лазарет на осмотр к профессору Юдоре Костаки, — скомандовала она, продолжая смотреть только на Ника. И он выдержал этот взгляд, не дрогнув. — Если профессор не почувствует ничего подозрительного, Виолетта сможет вернуться в школу.

Я испугалась, страх накрыл мгновенно. Ведь она точно почувствует, что со мной что-то не так. Она и раньше замечала, что я изменилась, и её магия исцеления больше не действует на меня. Эти воспоминания пронесли в голове быстро, не оставляя времени на самообман. Я сама почувствовала, как растерянность и паника появились в моих глазах, как внутри всё сжалось в ожидании неизбежного. Ник, наверное, тоже это заметил, или сам сделал такие выводы после того, как узнал, что я имею дело с вампиром. Хоть он и не знал всех подробностей, он хорошо чувствовал напряжение момента.

— Я тоже пойду, — произнёс он.

— Ты не пойдёшь! — Екатерина тут же возразила. — Ты нужен мне здесь.

Он подошёл близко к ней, так близко, чтобы никто не мог слышать того, что он собирался ей сказать. Их разделяли всего несколько шагов, и в этом расстоянии чувствовалась родственная, сложная связь.

— Хватит запрещать, тётя, я всё равно пойду, — донёсся до меня его тихий голос.

В этих словах не было просьбы. Только решение.

Не дожидаясь ответа, он подошёл ко мне и повёл к выходу. Походка оставалась уверенной, твёрдой, не допускающей возражений. Охранник-дампир тут же присоединился к нам. Но вести меня как преступницу он уже не решался. Не тогда, когда рядом шёл Николас. Это ощущалось в каждом его осторожном движении.

По пути в лазарет мы не разговаривали. Тишина давила сильнее любых слов. Но чувствовала я себя так, как перед очень сложным экзаменом, не на знания, а на выживание. И за несдачу этого экзамена меня просто-напросто могут арестовать, а потом и вовсе казнить. Перспектива не самая лучшая.

В лазарете явно было не до меня. Как только мы вошли, в нос тут же ударил резкий, тяжёлый запах крови и лекарств. Металлический привкус свежей крови смешивался с горечью антисептиков и травяным, удушающим запахом заживляющих зелий.

Много раненых лежало на койках, расставленных близко друг к другу, так что между ними оставался узкий проход. По нему медсёстры передвигались боком, стараясь никого не задеть. Иногда с края койки свисала чья-то рука или нога, неподвижная или судорожно дёргающаяся от боли. Кто-то стонал, кто-то, стиснув зубы, молчал, бережно расходуя последние силы. Выглядели они ужасно. Не так, как после обычных тренировочных травм.

Это были тела, прошедшие настоящую бойню. Я заметила парней, учеников из старших классов, которые осмелились выйти на бой с вампирами, защищая школу. Их лица были бледными, почти серыми, губы пересохшими, а глаза мутными от боли и кровопотери. Раны выглядели до ужаса омерзительно. Практически, как и до этого моё плечо. Разорванные мышцы, неровные, рваные края тканей, где волокна были не перерезаны, а именно выдраны. В некоторых местах можно было увидеть более глубокие раны, до кости, где белёсая поверхность проступала сквозь кровь и разорванную плоть. Переломанные кости выглядывали под неестественными углами, удерживаемые остатками мышц и сухожилий.

Вокруг суетились медсёстры лазарета. Их движения — быстрые, нервные, отточенные до автоматизма. Однако становилось очевидно, что они не справляются, раненых оказалось больше, чем персонала. Лазарет переполняли не только тела. Его переполняла боль. И среди

этого хаоса я остро почувствовала: если сейчас меня сочтут угрозой, я перестану быть пациентом и стану следующим телом.

Николас повёл меня в кабинет Юдора, отрывая моё внимание от увиденного, так как я стояла, парализованная этим зрелищем. Тело отказывалось слушаться, ноги налились тяжестью, а взгляд всё ещё цеплялся за раненых. Меня начало мутить от стоявшего здесь запаха и от увиденного. Смесь крови, лекарств и чужой боли подкатывала к горлу, вызывая тошноту и головокружение.

Не удивлюсь, если моё лицо побледнело ещё больше или даже позеленело, я чувствовала, как из меня уходит тепло.

— Профессор Костаки, — Ник кивнул ей в приветствии, когда мы вошли.

Юдора сидела у себя в кабинете в состоянии полного изнеможения. Выжатая до последней капли и, вероятно, сейчас выглядела так же, как и я: измученная, усталая, бледная. Плечи опущены, движения замедлены, взгляд тяжёлый. Одежда сильно испачкана кровью, и это оказалась не её кровь. Тёмные пятна въелись в ткань, напоминая о десятках тел, прошедших через её руки.

Видеть её такой оказалось крайне непривычно. Сломленной. Ведь раньше она всегда оставалась безупречной, ухоженной, чисто и строго одетой, аккуратно причёсанной, собранной. Казалось, ничто не способно вывести её из равновесия.

— Виолетта... — от неожиданности того, что я тоже здесь, она даже поднялась. — Ты жива... как это возможно? Ведь профессор Ралис сказал, что ты переродилась.

В её голосе прозвучало искреннее потрясение, смешанное с усталостью и недоверием. Я не сразу ответила, обдумывая сказанное, любое лишнее слово могло сыграть против меня. Мысли приходилось тщательно фильтровать, удерживать под жёстким контролем.

— Это неправда.

— Но что произошло? Мы все считали тебя мёртвой.

Она подошла ко мне и внимательно всмотрелась в моё лицо, проверяя, не ошиблась ли в своих выводах. Взгляд оставался профессиональным, пристальным. Юдора осторожно приложила ладонь к моей груди.

— Я слышу, как бьётся твоё сердце.

Для неё это стало явным потрясением. Я заметила, как в её взгляде мелькнула растерянность, редкое, невозможное для неё состояние.

— Меня не убивали. Меня держали в плену...

Слова дались тяжело, каждое приходилось вытаскивать из себя усилием воли. Я глубоко вздохнула, понимая, что всё равно придётся рассказать хотя бы часть правды. Даже та её часть, на которую я была готова, могла обернуться против меня.

— Но кто? Как это возможно?

Вопрос прозвучал шёпотом, надломленно — сил на удивление у неё уже не осталось. Она слегка пошатнулась, неловко удерживая равновесие. Движения замедлились, тело больше не подчинялось ей так беспрекословно, как раньше. Видимо, даже подняться оказалось для неё непросто, а силы таяли слишком быстро.

— Профессор, вы в порядке? Может, вам лучше присесть? — вмешался Николас, заметив её состояние. В его голосе прозвучала не формальность, а искренняя тревога.

— Да... сейчас...

Ответ дался ей с трудом. Она вернулась к стулу, где сидела прежде, и тяжело опустилась обратно, наконец перестав заставлять себя держаться.

— Раненых слишком много. Я стараюсь помочь им, хотя бы частично излечить их раны, но моих сил на всех не хватает, — проговорила она, не скрывая досады.

Сразу ощущалось, насколько сильно она переживает за каждого и как отчаянно хочет помочь, даже понимая пределы собственных возможностей. Для неё это уже давно стало чем-то большим, чем просто работа. Ответственностью, которая давила почти физически.

— Проходите, присаживайтесь, — она махнула на кушетку, стоявшую в углу кабинета. — Виолетта, расскажи мне что случилось.

Её тон смягчился, стал тише и осторожнее, она сознательно старалась не давить и не пугать.

Я прошла и присела. Кушетка оказалась жёсткой и холодной, и это ощущение усиливало внутреннее напряжение. Николас остался стоять в стороне, продолжая следить за мной и в любой момент готовый вмешаться. Охранник-дампир, пришедший с нами, стоял рядом с ним, молчаливый, настороженный, одним своим присутствием напоминая о том, что всё происходящее здесь в любой момент может перейти из разговора в приговор.

Я не знала, стоит ли говорить что-то о Стефане и с чего вообще начинать. Мысли путались, цеплялись одна за другую.

Что из произошедшего помнил Стефан?

Коста Раллис мог внушить ему что угодно. Это тревожило особенно сильно. Если он уже вмешался в его сознание, правда могла оказаться искажённой. А если наши показания будут расходиться, не факт, что поверят именно мне. Сейчас всё зависело от доверия. Поэтому я решила не привлекать Стефана к своему рассказу, оставив его за пределами этой версии событий.

— Профессор Коста Раллис похитил меня, когда я была в школе. Уже поздно вечером он позвал поговорить об учёбе, — слова выходили ровно, механически. — Но вместо учёбы он лишил меня сознания, и очнулась я уже в камере, где в таких же соседних камерах находились вампиры.

Произнося это, я старалась не задерживаться на деталях, которые могли выдать многое. Я запнулась, мысленно возвращаясь в прошлое. Холод воспоминаний пробежал по позвоночнику, заставив плечи напрячься. Всё всплыло ярко.

Юдора слушала очень внимательно, не показывая никаких эмоций и запоминая каждое слово. Я сделала короткую паузу, а затем заставила себя продолжить.

— Вместе с профессором Раллисом была какая-то женщина-вампир. Я не видела её раньше — я говорила осторожно, подбирая формулировки. — Может быть, у профессора и было в планах перевоплотить меня, но он не успел. Восстание вампиров случилось раньше. Я просто всё это время находилась в камере и не могла ничего сделать...

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и беспомощные.

— Пока я не нашёл её, — вмешался в мой рассказ Ник.

Я с благодарностью посмотрела на него. Его вмешательство оказалось своевременным, он поддержал мой рассказ и не выдал ни меня, ни всех подробностей, о которых теперь знал. Это подарило мне короткую передышку и немного облегчения.

— Профессор Раллис? — переспросила Юдора, не сразу осознавая услышанное.

Я кивнула.

Она задумалась, сопоставляя факты.

— Я не видела его в школе среди сражающихся. И среди преподавателей его тоже не было...

— Он перевоплотился, — ответил Ник с такой уверенностью, будто был личным свидетелем произошедшего. Его голос звучал твёрдо, не допуская сомнений.

— Как это возможно? И зачем ему это понадобилось?

Вопрос был логичным и опасным.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Я не знаю, — уверенно солгала я, делая вид, что мне действительно жаль. Я опустила взгляд, позволяя эмоциям сыграть за меня, скрывая то напряжение, с которым удерживала эту ложь внутри.

— Нужно собрать школьное заседание и рассказать всё другим преподавателям и директору Кирии Екатерине, — после короткого размышления заключила Юдора.

Её голос звучал спокойно, деловито. Она говорила так, как говорят о чём-то привычном и неизбежном. А у меня внутри всё сжалось. Я напряглась, представляя, как буду стоять перед всеми и снова рассказывать одно и то же, тщательно укрывая большую часть правды, подбирая слова, следя за каждым взглядом. Перед преподавателями. Перед Екатериной, которая вообще хочет избавить свою школу от меня.

Я посмотрела испуганным взглядом на Юдору, и она поняла мой испуг, но по-своему, будто мне страшно выступать перед толпой преподавателей, выдерживать их взгляды и вопросы.

— Не волнуйся, Виолетта, ты и так пережила слишком много. Заседание пройдёт без тебя. Ты понадобишься, возможно, позже директору Екатерине для выяснения подробностей.

Это прозвучало успокаивающе. К тому времени можно будет более детально обдумать мою историю, выстроить её ровнее и убедительнее. Хотя беседовать с Екатериной мне совсем не хотелось.

— Профессор Костаки, — обратился к ней Ник, — Кирия велела вам досмотреть Виолетту для необходимости убедиться, что она дампир и не переродилась, для того чтобы Виолетта могла вернуться к обучению в школу.

Юдора даже не колебалась.

— Я уже убедилась, что она дампир. Сомнений нет, — вынесла она своё заключение.

Я вздохнула с облегчением, только сейчас с моих плеч ушёл тяжёлый груз, который всё это время давил и не позволял свободно дышать. Сердце наконец-то сбилось с бешеного ритма. Юдора, видимо, была слишком ослаблена, чтобы почувствовать что-то сомнительное и тревожное во мне, в моём облике. Иначе так легко бы я не отделалась. Так что её состояние играло мне на руку, и я это прекрасно понимала.

— Я тогда буду свободен, — тут же отозвался охранник. — Мне нужно доложить Кирии Екатерине.

— Докладывайте, — одобрительно кивнула Юдора, и охранник вышел.

Она вновь перевела на меня взгляд.

— А сейчас, Виолетта, возвращайся в свою комнату, приведи себя в порядок и отдохни, поспи. Школа пока не функционирует как раньше. В столовой можешь взять провиант, перекусить.

— Спасибо, — тихо выдохнула я.

Это слово несло в себе не только благодарность, но и усталость, наконец нашедшую выход.

— Я провожу её, — Николас подошёл ко мне.

Юдора кивнула ему, принимая это как само собой разумеющееся. И мы вышли из лазарета.

Сейчас я с трудом представляла, как вернусь к обучению. За столь короткое время произошло слишком многое. Нужно было прийти в себя, успокоить эмоции и привести мысли в порядок. В моей ситуации тем более следовало руководствоваться здравым смыслом и логикой.

В корпусе девочек царил тишина. Дежурных уже не осталось, они принимали активное участие в защите, и, скорее всего, пережили её не все. Тишина давила почти физически. Исчезла привычная школьная суэта, не слышалось ни шагов, ни голосов. Вероятно, все уже разошлись по комнатам, двери в каждую из них оказались плотно закрыты.

Может быть, у меня получится сходить к девочкам?

Мы подошли к моей прежней комнате. Разумеется, сейчас она пустовала, и моих вещей там уже не было. Но это казалось неважным, главное, что я здесь и что я вернулась. Николас открыл для меня дверь, однако я не сразу вошла. Я смотрела на него с благодарностью. Если бы не он, меня бы наверняка арестовали, а затем и вовсе казнили. Неизвестно, чем всё это теперь обернётся для него.

Заметив, что я хочу что-то сказать, он приложил палец к губам и едва заметно покачал головой, давая понять, что говорить здесь небезопасно.

— Спасибо, — произнесла я, вложив в это слово всю душу.

Он молча кивнул и направился по коридору к выходу. Я же вошла в свою бывшую, и одновременно нынешнюю комнату.

Глава третья

Через некоторое время в комнату постучали. Я слегка напряглась, но всё же поспешила узнать, кто это. Увидев на пороге женщину-человека, я удивилась.

— Вам велели принести ваши вещи, постельное бельё и туалетные принадлежности.

Моё удивление только усилилось.

— Мои вещи целы?

— Да, мисс. С ними ничего не успели сделать, всё произошло слишком быстро.

В комнату вошёл мужчина, тоже человек. Именно он занёс всё, включая мой чемодан. До невозможности странно оказалось видеть, что обслуживанием занимаются люди. Я и раньше понимала это, но обычно они действовали незаметно, стараясь не попадаться на глаза. Видимо, после произошедшего в школе сейчас стало не до осторожности. Сам факт того, что людям известно, кто мы такие и чем занимаемся в этой школе, казался невыносимым. В обычной жизни они не осведомлены о нашем существовании. И не должны быть.

— Благодарю, — отозвалась я без лишних эмоций.

Они поклонились и поспешили покинуть мою комнату. Впервые в жизни мне вообще кто-то кланялся. Этим жестом они подчёркивали превосходство дампилов над людьми. Мысль неприятная, тяжёлая, но очевидная, чтобы её игнорировать.

Я поспешила разобрать вещи. Раскрыв чемодан, я обратила внимание на то, с какой аккуратностью всё сложено. Это казалось странным. Если ученик погибает, какой смысл так бережно упаковывать его вещи? Ведь их всё равно не передадут родственникам, а скорее всего, просто сожгут, и на этом всё закончится.

Закончив с обустройством, я направилась в душ. Мне отчаянно хотелось встать под струи горячей воды и смыть с себя всё, что произошло прошлой ночью.

И действительно, душ принёс облегчение. Одежду, оставшуюся на мне, я просто выбросила. Не хотелось сохранять от неё ничего, тем более она сильно пострадала, особенно верх. Ложиться я тоже не собиралась. Сон наверняка пошёл бы мне на пользу, но я понимала — уснуть не смогу, пока не удостоверюсь, что с подругами всё в порядке.

Быстро переодевшись, я осторожно вышла из комнаты. Коридоры опустели, но привлечь к себе лишнее внимание всё равно не хотелось. После случившегося все находились на пределе, и любая суэта могла вызвать ненужную тревогу.

Добравшись до комнаты Камиллы, я очень аккуратно постучала, чувствуя, как тело напряглось от ожидания и надежды.

В ответ тишина.

Мысли мгновенно закрутились.

Почему Камилла не отвечает? Спит? Ещё не вернулась?

Или...

Мертва.

Не думай о плохом, — приказала я себе.

В лазарете её не оказалось, значит, она не ранена. Иначе я бы сразу её заметила.

Набравшись терпения, я постучала ещё раз, уже громче и настойчивее. Прошло несколько мучительно долгих секунд, прежде чем дверь распахнулась. На меня смотрели удивлённые, заспанные глаза подруги.

— Виола?.. — выдохнула Кама, не успев сказать ничего больше, как я кинулась к ней. Я обняла её, чувствуя, как по щеке покатилась слеза, от радости и благодарности.

Она обняла меня в ответ и тоже расплакалась.

— Виола... неужели это действительно ты...

— Я, Кама. Это я.

— Ущипни меня.

Она отстранилась и внимательно посмотрела на меня, ещё раз проверяя, действительно ли это я и действительно ли жива.

Только сейчас я внимательно рассмотрела подругу. Камилла стояла в ночной рубашке и выглядела плохо. Отёкшие глаза выдавали бессонную ночь и множество пролитых слёз, губы потрескались, лицо побледнело. На лбу виднелась ссадина.

— Проходи, — сказала она, улыбнувшись сквозь слёзы.

Я вошла в комнату.

Мы, по старинке, устроились у неё на кровати. Камилла взяла меня за руку и не отпустила, всё ещё не до конца веря, что я действительно рядом и никуда не исчезну.

— Что случилось, Виола? Мы думали, что ты мертва.

Я жала её руку в ответ, давая почувствовать, что я действительно здесь. Не мёртвая, не переродившаяся. Моя ладонь была тёплой и живой.

Я рассказала ей ту же историю, что и профессору Костаки. Да, она была моей близкой подругой, но большего я сказать не могла. Это поставило бы под угрозу и меня, и её. В школе всё ещё находились дампиров, способные читать мысли. А Камиллу, в отличие от меня, не защищала связь с вампиром от подобного воздействия.

— Я бы никогда не поверила, что профессор Раллис оказался предателем, — воскликнула она, выслушав мой рассказ.

— Я тоже, Кама. Я очень надеюсь, что Екатерина поверит мне. Если она не поверит... я не знаю, что меня ждёт.

Я замолчала, осознавая всю серьёзность ситуации.

— Она и так хотела арестовать меня и сделала бы это, если бы Ник не вступился за меня.

— Это вообще удивительно, — с искренним восхищением произнесла Камилла. — Я такого от него не ожидала. Он ведь сильно рисковал, защищая тебя.

— Да, — я слабо улыбнулась в ответ.

— Думаю, Екатерина поверит Юдоре. Она же подтвердила, что с тобой всё в порядке и ты можешь вернуться.

— Подтвердила, но сказала, что они будут докладывать всё директорисе и совещаться. А кто знает, к чему они в итоге придут...

— Всё будет хорошо. У них нет причин и оснований не допускать тебя. И тем более... арестовывать, — последнее слово она произнесла с осторожностью.

Я слотнула тугой ком, застрявший в горле от этих невесёлых разговоров.

— Лучше расскажи, что происходило в школе, — я посмотрела на подругу с выжидающей настойчивостью. — Пока меня держали в заточении, я ничего не видела. А когда оказалась здесь снова, всё уже закончилось. Остались только последствия нападения.

Я тут же заметила, как потускнел её взгляд. Лицо осунулось, плечи напряглись, тело само готовилось к удару. Она всё ещё помнила пережитый ужас, не как воспоминание, а как нечто живое, застрявшее внутри.

— Я и раньше встречала вампиров в реальной жизни. Но их никогда не было так много... и сразу, — глухо начала она.

Камилла сделала паузу, собираясь с силами.

— Мы уже закончили занятия и вернулись в свои комнаты. А потом... через какое-то время раздался этот звук. Сирена. Конечно, все сразу выбежали из комнат.

У неё дрогнул голос, и она на мгновение замолчала.

— Ты и сама понимаешь Виола, в школе просто так не включают сирены, тем более поздно вечером. Это значит, что случилось что-то по-настоящему страшное. Охрана почувствовала приближение вампиров ещё до нападения. Нас попытались защитить, стали уводить, закрывать. Кого-то заперли в подвале школьного корпуса, кто-то укрылся в подвале корпуса преподавателей... кто куда успел. А кто-то не успел вовсе.

Её пальцы сжались.

— Учеников ведь очень много. Слишком много... — она нервно выдохнула. — Там была такая толкучка, такой хаос... Я думала, меня затопчут быстрее, чем вампиры доберутся до нас.

Мне стало дурно от её слов. Воображение нарисовало картину: крики, давку, панику, десятки испуганных лиц, отчаянно ищущих спасение.

— Мы же ещё не готовы сражаться с вампирами, — продолжила Камилла, голос её стал тише. — Тем более, когда их так много...

— Да... — согласилась я.

— Но многие ребята из пятого... и даже из четвёртого курса остались защищать нас, — её голос сорвался. — Выбора не было. Охрана выдала им серебряные мечи. Кто-то держал их в руках впервые. И... — она сглотнула, — кто-то, в последний раз в жизни.

Слёзы прорвались сквозь рассказ и покатались по её щекам, оставляя следы на ткани ночной рубашки. Голос Камиллы стал сиплым, надломленным.

— Нас заперли в подвале... — она запнулась. — Закрыли металлическую дверь...

Боль отразилась на её лице так ясно, что мне стало трудно дышать. Я крепче сжала ладонь подруги, обхватив её обеими руками, стараясь хоть немного передать ей тепло и поддержку.

— Они бились в дверь, Виола... — прошептала она. — Рычали, скребли, кидались на неё. Так близко... Я слышала их прямо за дверью. Мне было страшно. Мы находились там одни. Безоружные. Только ученики. Все, кто мог, ушли сражаться. Если бы они выбили эту дверь...

Она не договорила. Слёзы хлынули сильнее, плечи задрожали. Я притянула Камиллу к себе и крепко обняла.

— Всё позади, — сказала я, хотя сама знала, насколько слабо звучат эти слова.

Слабое утешение. Но другого выбора не существовало. Нам оставалось только стать сильнее. Такова наша жизнь.

— А что с Маей и Селеной? — спросила я, когда её рыдания немного стихли.

Камилла подняла на меня встревоженный взгляд.

— Я не знаю... Мы потерялись по пути в укрытие, а когда нас наконец выпустили, просто отправили по комнатам. Я не видела девочек, не знаю, где они и что с ними. Сказали, что завтра в десять утра будет собрание во дворе школы. Наверное, тогда станет ясно.

В её глазах отразилось всё то, что она до этого сдерживала, тревога, боль, бессилие.

— С ними всё будет хорошо.

Я крепче сжала её руку, вкладывая в этот жест всю возможную уверенность, хотя сама не была до конца уверена в собственных словах. Я отчаянно хотела в них верить.

Камилла благодарно посмотрела на меня и сжала мою ладонь в ответ.

— Я так рада, что ты здесь...

— Я тоже, Кама. Очень.

Мы обнялись.

Эту ночь мы провели вместе. Слишком много тревоги и боли обрушилось на нас за один вечер. Хотелось, чтобы рядом была родная душа, молчаливое понимание, тепло и простое человеческое присутствие. Хотелось почувствовать, что даже в этом жестоком мире ты всё ещё не один.

Утром мы проснулись рано. Чувство тревоги не позволило по-настоящему ни выспаться, ни отдохнуть. Как и прежде, я вернулась к себе, чтобы собраться. С Камиллой мы встретились уже перед выходом во двор.

Нам отчаянно хотелось узнать, кто выжил, кто пострадал, как дальше будет функционировать школа и что преподаватели скажут ученикам. Поэтому, стараясь не опаздывать к назначенному времени, мы пришли на школьный двор заранее. Радовало, что собрание решили провести именно здесь, это помогало избежать толкучки.

Тела убитых дампиров, разумеется, уже убрали. Двор выглядел почти так же, как и раньше, за исключением могильных пятен, оставшихся после сожжения вампиров. Они темнелись на камне, как клеймо, напоминая о том, что случившееся нельзя просто забыть.

Оглядевшись, я заметила, что выживших учеников было достаточно много, и это позволило немного расслабиться. Вокруг нас находилась охрана мужчины-дампиры. Они выглядели куда лучше, чем накануне, ночь дала им возможность собраться с силами. Но ни Силены, ни Майи я так и не увидела среди учеников.

Внутри поднялась тревога. Я жадно всматривалась в лица учеников, цепляясь взглядом за каждого, кто проходил мимо. Камилла уловила мою нарастающую панику.

— Я видела Селену. Она вместе с Элис.

Я с облегчением выдохнула.

— Хорошо.

Оставалась Майя.

Моё беспокойное разглядывание двора резко прервал голос профессора Париса, прокатившийся над площадью. Он говорил в микрофон:

— Вставайте в группы по классам. Не устраивайте толпы и очереди, не задерживайте других. Проходите быстрее.

Мы с Камиллой встали к своему классу, но я всё равно продолжала крутить головой, оглядываясь по сторонам и пытаясь заметить знакомые лица. И тогда я наткнулась на тяжёлый, полный гнева взгляд Стефана.

Он стоял в другом конце двора, но даже сквозь расстояние я ясно почувствовала ненависть, застывшую в его глазах. Этого хватило, чтобы многое понять.

Значит, он всё помнит. Неужели воля профессора Раллиса ослабла... или вовсе перестала действовать? Так смотрят только тогда, когда память не стёрта. Когда всё произошедшее по-прежнему живо.

Без единого слова он дал понять — прошлое никуда не исчезло.

Стефан выглядел ошеломлённым. Он смотрел на меня так, что возникло ощущение, что перед ним стоял кто-то, кто не должен был вернуться. Я невольно сжалась, но глаз не отвела. Напротив, ответила ему излишней самоуверенностью и презрением. Вызовом на вызов.

Стефан сплюнул и отвернулся.

Рядом больше не оказалось ни Ника, ни Давида. Среди окружавших его учеников я не узнала никого, обычные дампиры, ничем не примечательные.

Николас вышел вместе с директрисой Екатериной. Он не был со своим классом, после всего произошедшего она не отпускала его от себя ни на шаг.

Наши взгляды встретились. Его лицо казалось осунувшимся и уставшим, лишённым привычных эмоций. Создавалось впечатление, что весь груз произошедшего лёг именно на него. Скорее всего, у него уже возникли неприятности из-за меня, и теперь ему приходилось за это расплачиваться.

Кирия Екатерина держалась собранно и удивительно уверенно, уже готовая выйти вперёд и поддержать остальных. Хотя трудно было даже представить, какие слова вообще способны прозвучать в такой ситуации, когда скорбь разъедала и душу, и сердце.

Николас остался в стороне. Строгий чёрный костюм, чёрная рубашка и длинное пальто только сильнее подчёркивали его сдержанность и молчаливую скорбь. Без слов он отдавал дань погибшим. Екатерина и другие преподаватели также пришли в чёрном.

Екатерина вышла в центр двора.

— Всем успокоиться, — громко, приказным тоном произнёс профессор Парис, привлекая внимание.

Когда гул постепенно стих, он передал микрофон директору Екатерине. Она сделала шаг вперёд и задержала взгляд на собравшихся. Во дворе стало так тихо, что слышно было лишь дыхание стоящих рядом.

— Сегодня я не буду говорить долго, — начала она ровным, твёрдым голосом. — Потому что слова не способны вернуть погибших и не способны облегчить ту боль, с которой многие из вас проснулись этим утром.

Она медленно обвела взглядом двор, стараясь посмотреть на каждого лично.

— То, что произошло этой ночью, не ошибка и не случайность. Это часть нашей жизни. Жизни дампиров. Жестокой, опасной, не оставляющей права на беспечность. Мы учимся здесь не только ради знаний. Мы учимся, потому что мир за стенами школы не прощает слабости.

В её голосе не звучало ни пафоса, ни утешающих интонаций. Лишь спокойная, тяжёлая правда.

— Вы столкнулись с этим раньше, чем должны. Но жизнь редко спрашивает, готовы ли мы. Она просто ставит перед фактом. И вы увидели то, к чему вас готовят, не в книгах и не на тренировках, а в реальности.

Екатерина сделала паузу, позволяя словам осесть.

— Этот опыт нельзя стереть. Его нельзя забыть. Но его можно принять. И сделать выводы. Учёба, это не формальность и не обязанность. Это ваш единственный щит. Ваша сила. Ваш шанс выстоять, когда рядом больше никому будет прикрыть спину.

Её взгляд стал жёстче.

— Вы обязаны относиться к ней серьёзно. Потому что однажды от этого будет зависеть не только ваша жизнь, но и жизни тех, кто окажется слабее. Тех, кто будет нуждаться в защите.

Она чуть выпрямилась, и в её осанке появилось что-то торжественное.

— Той ночью многие сделали выбор. Кто-то встал между угрозой и теми, кто не мог защитить себя. И за этот выбор они заплатили самую высокую цену.

Екатерина опустила голову.

— Сейчас мы почтим память погибших. Молчанием. Уважением. И обещанием, которое каждый из вас даст сам себе, стать сильнее. Дстойнее. Готовым.

Она подняла взгляд.

— Ради них. Ради живых. И ради того будущего, которое ещё можно защитить.

Все в один миг опустили головы, прощаясь с теми, кто всё это время был рядом с нами, учился, жил, тренировался, а кто-то, даже обучал нас. Скорбь легла тяжёлым грузом, давящим, почти физически осязаемым.

Микрофон передали профессору Каллисте Ставридис. Она преподавала кодекс наставника. Всегда сдержанная, зрелая, с безупречной внутренней дисциплиной, как, впрочем, и многие преподаватели этой школы. Но мягкости в ней не было вовсе. Холодная, строгая, справедливая.

Каштановые волосы до плеч она чаще всего носила туго собранными в хвост. Светлоголубые глаза и чрезмерно худое лицо с заострёнными чертами изначально выдавали в ней жёсткость, отстранённость и непреклонность.

К её предмету я относилась нейтрально, мне сложно представить себя в роли наставника. А сама Каллиста мне не нравилась. Скорее, я её остерегалась и старалась лишний раз не попадаться ей на глаза. Теперь же именно она зачитывала имена погибших. Из её уст они звучали как приговор. Холодно, отрывисто, без тени сочувствия, но с точным, выверенным уважением.

Она не позволяла эмоциям прорываться наружу, создавая впечатление истинного дампира, бессердечного, равнодушного, живущего по строгим правилам и рамкам, к которым однажды должны будем прийти и мы.

Большинство произнесённых имён не отзывались во мне ничем. Я не знала этих учеников. Каждое новое имя проходило мимо сознания, не задевая. Ровно до того мгновения, пока слух не резануло:

— Майя Мавриду...

Дальше я уже ничего не слышала. Голос Каллисты превратился в далёкий, слитный фон. Мир отодвинулся, сердце пропустило удар, а затем словно остановилось.

Майя?

Я перевела растерянный взгляд на Камиллу и встретилась с её пустыми глазами. В них больше не осталось сил, даже на новую боль. По её щеке покатила безмолвная слеза. Я зажала рот ладонью, стараясь не выдать эмоций, не здесь, не сейчас, не при всех. Проглатывая слёзы, боль и только что прозвучавшие слова. Я должна быть сильной. Должна стать опорой для Камиллы.

Я взяла её за руку, и она тут же прижалась ко мне в ответ. Я почувствовала, как её тело подрагивает, она позволила себе отпустить сдерживаемое.

Как же это тяжело...

Одно дело понимать происходящее, говорить о нём как о чём-то далёком. И совсем другое, когда этот ужас случился на самом деле, когда его нужно принять и пережить.

Я глубоко вдохнула, и это помогло быстрее успокоиться, собрать себя по частям. Возможно, кровь Кольта дала мне не только физическую силу, но и внутреннюю, способность быть более стойкой и выносливой. Не позволять себе сломаться на глазах у всех. С достоинством принимать то, что кажется совершенно невозможным принять.

Я крепко обняла подругу, давая ей почувствовать, что я рядом. И в этом горе она не одна.

Когда зачитали имена погибших учеников и преподавателей, дампиров из службы охраны не упоминали, хотя их погибло немало. Нас отправили по комнатам набираться сил с объявлением, что уже с завтрашнего дня школа возвращается к обычному режиму. Из преподавателей назвали двоих. Погибли учитель греческой мифологии и Коста Раллис... Его сочли мёртвым, героем, отдавшим жизнь, защищая нас.

Ах, если бы они знали.

Хотя Юдоре Николас всё-таки рассказал о том, что Раллис стал вампиром. Возможно, учеников просто решили не посвящать в подробности. Я не сомневалась, что Ник обязательно доложит о случившемся Екатерине, ведь всё произошедшее напрямую угрожало безопасности школы. Если Раллис уже однажды решился на подобное, неизвестно, на что ещё он способен, преследуя собственные цели. Тем более теперь.

После собрания к нам подошла Селена. Её покрасневшие глаза сразу выдавали — новость о смерти Майи не обошла её стороной.

— Виола... — ошеломлённо выдохнула она. — Я так рада, что ты жива. Как это вообще возможно?

Этот вопрос мучил её так же, как и всех остальных. Я чувствовала на себе взгляды учеников, удивлённые, растерянные, жадные до ответов. Не знаю, что поражало их больше, моё неожиданное возвращение или само нападение фералов.

— Это долгая история, — я мягко улыбнулась ей. — Но я снова с вами. И я жива.

Селена крепко обняла меня.

— Я так рада...

— Я тоже, — честно ответила я.

Она отстранилась, но в её взгляде по-прежнему читалось напряжение.

— Но я хочу всё знать. Мы ведь все думали, что ты переродилась.

Я огляделась по сторонам. Интерес к этому разговору никто особенно не скрывал. Многие держались поблизости, прислушиваясь и надеясь услышать правду из первых уст.

— Не здесь, Селена... — тихо сказала я.

Она тоже оглянулась и всё поняла.

— Хорошо.

Селена взяла за руку меня и Камиллу.

— Девочки... — голос её дрогнул. — Я так хочу, чтобы Майя вернулась к нам так же, как ты, Виола...

Она сглотнула подступившие слёзы.

— Я не могу принять её смерть.

— Разве вы были не вместе? — осторожно спросила Камилла.

— Нет... В той толпе нас унесло друг от друга. Я надеялась, что с ней всё будет в порядке, — Селена не выдержала, слёзы хлынули из глаз. — Ведь это же Майя... Она всегда находила выход из любых ситуаций...

— Да, — с грустью подтвердила Камилла.

— Такова наша жизнь. Нам нужно быть сильными, чтобы выжить, — произнесла я вслух почти безэмоционально, хотя эта мысль должна была остаться внутри.

Подруги замолчали.

Холодная правда прозвучала слишком резко, но возразить ей оказалось невозможно. Так всё и было.

На светские разговоры не осталось ни настроения, ни сил. Делать вид, что всё как прежде, казалось невозможным. Мы разошлись по комнатам. Камилла решила лечь и попытаться уснуть, возможно, сон помог бы ей хоть немного справиться с потерей и тем состоянием, в которое она погрузилась. Селена ушла к Элис. Последние события сблизили их. После гибели Майи Элис, скорее всего, станет для неё тем, кем Майя уже не сможет быть.

Смерть Майи давила и на меня. Я всё ещё не могла до конца принять случившееся.

За то короткое время, что мы знали друг друга, она успела стать мне близкой, несмотря на недомолвки между нами. Но утрата уже не поглощала целиком. Я воспринимала её как последствия. Как неизбежную цену, с которой дампиру однажды приходится столкнуться. По крайней мере, именно так я оправдывала собственную сдержанность.

Я отправилась к себе, но уснуть не смогла бы при всём желании. Слишком много силы скопилось внутри, требуя выхода. Сейчас как никогда кстати пришлась бы тренировка. Но я не была уверена, что могу позволить себе подобное. Выходить куда-то, тем более на поляну, сейчас было бы неразумно и небезопасно. Пусть охраны и стало меньше, так как большая её часть пострадала или погибла во время нападения, но учащиеся по-прежнему находились под контролем.

Екатерина, по всей видимости, решила пока не привлекать Совет, опасаясь возможных последствий. Однако скрывать произошедшее долго не получится, погибших слишком много. Школе в любом случае потребуется больше охотников-дампиров, а предоставить их может только Совет. Так что это был лишь вопрос времени.

Я легла на кровать и закрыла глаза, пытаюсь расслабиться и уснуть. Сон действительно пошёл бы на пользу хотя бы для того, чтобы на время выпасть из реальности и перестать всё анализировать. Но вместо этого мысли медленно, незаметно, свернули к Кольту.

Я поймала себя на том, что думаю о вампирах, оставшихся после нападения, о том, чем всё закончилось для них. Ответы на эти вопросы я смогу узнать только тогда, когда снова встречу с ним.

Интересно, когда это будет?

Сейчас мне трудно представить, как вообще получится покинуть школу. Любое лишнее движение могло привлечь внимание, а выделяться мне нельзя. Да и директриса, скорее всего, теперь следила за мной особенно пристально, с кем я общаюсь, куда хожу, чем занимаюсь. Тотальный контроль.

Неужели профессор Парис действительно сможет помочь? И что на самом деле связывает его с Кольтом?..

— Кольт... — тихо выдохнула я. — Почему я не могу успокоиться, и мои мысли снова и снова возвращаются к тебе?

Я позволила себе погрузиться в воспоминания.

Его прикосновения больше не казались пугающими или отталкивающими, как раньше. Холод его кожи не вызывал страха. То, что прежде воспринималось как нечто чуждое и опасное, утратило свою угрозу. Он открылся мне с другой стороны. Его сила обращалась не против меня. Напротив, ради меня он оказался готов защищать, жертвовать собой и идти до конца.

Я невольно улыбнулась.

Теперь я ясно понимала разницу.

Поцелуй Кольта совсем не походил на поцелуй Николаса.

С Ником всё ощущалось иначе, что-то нерешительное, юное, наполненное взаимным интересом и осторожным притяжением. Мы изучали друг друга, пробовали, прислушивались к собственным ощущениям. Это скорее напоминало симпатию, усиленную близостью и эмоциями, которые легко принять за нечто большее.

Именно так и путают чувства — интерес и желание начинают казаться любовью, пока однажды не понимаешь, что в них нет глубины. Нет настоящей привязанности.

Николас проявил себя достойно. Он рисковал, защищая меня, и это говорило о многом. Возможно, за его поступками скрывалось нечто большее, чем простая симпатия. Я это понимала и ценила.

Но рядом с Кольтом всё воспринималось совсем по-другому. Он не отпустил бы меня обратно в школу, если бы решение зависело от него. Это оказался мой выбор, и он его принял, несмотря на беспокойство.

Его отношение ко мне не строилось на сомнениях или попытках разобраться в собственных чувствах. Он точно знал, чего хочет. Его уверенность не давила, она давала ощущение опоры. Здесь не осталось юношеской неопределённости. В основе лежало другое чувство: глубокое, сильное, взрослое. И сейчас я отчётливо ощущала эту разницу.

С Кольтом мне стало спокойно. Всё изменилось в тот момент, когда он спас меня от Раллиса. Если раньше он пытался казаться холодным и безжалостным, то моя пропажа сорвала эту маску. Он перестал играть роль.

Я увидела не убийцу и не хищника, а того, кто способен чувствовать, переживать и любить, даже вопреки собственной природе. И именно это пугало и притягивало сильнее всего.

Глава четвертая

На следующее утро я чувствовала себя морально значительно лучше. Сегодня предстоял обычный учебный день. Это даже радовало, учёба помогала отвлечься, быстрее войти в привычный ритм и не заикливаться на тех утратах и проблемах, с которыми нам пришлось столкнуться.

Я привела себя в порядок, нанесла лёгкий макияж, надела чёрную рубашку и чёрные брюки, носить что-то яркое сейчас казалось неуместным. Сверху накинула пальто, тоже чёрное. Волосы аккуратно расчесала и уложила мягкими локонами. Посмотрев на себя в зеркало, я удовлетворённо кивнула.

В отличие от большинства, я выглядела так, будто никакого нападения не было, будто я никого не оплакивала и у меня не осталось даже следа от травмы плеча. И всё это благодаря крови Кольта. При этом я не ощущала ни жажды, ни желания большего, что тоже было неожиданным. Скорее всего, Кольт говорил правду, если вампир выпьет кровь, он не перевоплощается в вампира.

Сегодня за мной зашла Камилла. Ночь явно пошла ей на пользу, она выпалась и уже не выглядела такой отёкшей от слёз, как накануне. Не теряя времени, мы направились в столовую. Профессор Юдора, как прежде, нас не встретила. Вероятно, всё своё время она сейчас посвящала раненым, и ей было не до контроля школьных правил. Её место заняла профессор Ставридис. При ней учащиеся вели себя заметно тише и сдержаннее. Одного её взгляда хватало, чтобы пресечь любое ненужное движение или слово, поэтому никто не стремился лишний раз попадаться ей на глаза.

Быстро поздоровавшись, мы с Камиллой взяли яичницу с беконом, кофе и сели за первый попавшийся свободный стол. Я огляделась. Что бы ни говорили о возвращении к прежнему режиму школы, всё уже было иначе. По крайней мере, пока. Учеников оказалось меньше. Разговаривали вполголоса, а некоторые и вовсе ели молча. Даже шумная компания Кристины и Доры притихла. Я отметила про себя, что они живы. Видимо, гиены действительно живучи. Что Стефан выжил, что эти...

Думая о «гиенах», я вспомнила и Эмму. Лично с ней я пока не сталкивалась, но её имени вчера не прозвучало среди погибших. Значит, скорее всего, и она жива.

Предмет Юдоры, самовыживание, временно убрали из расписания. Физиологию вампиров, которую преподавал профессор Раллис, передали профессору Парису Гривасу, преподавателю боевых дисциплин. А греческую мифологию теперь вела Каллиста Ставридис. Эта замена меня не радовала, придётся гораздо чаще с ней контактировать.

Первая половина дня прошла вполне сносно, ровно до того момента, когда после обеда ко мне подошла Юдора и сообщила, что директриса Екатерина хочет меня видеть. Эта новость выбила из меня остатки уверенности. Я отчётливо вспомнила, что моё пребывание здесь по-прежнему висит на волоске и что видеть меня в школе Екатерина совсем не стремится. Тем не менее, надеясь на лучшее, я собралась с духом и отправилась вслед за Юдорой в корпус преподавателей. Расспрашивать её не имело смысла. Скорее всего, разговор пойдёт о том, как я пропала, как вернулась и что на самом деле произошло с профессором Раллисом.

Кирия Екатерина находилась у себя в кабинете. Юдора аккуратно постучала и вошла первой, затем жестом пригласила меня следом. Екатерина сидела за большим письменным столом, заполняя какие-то бумаги. В комнате стояла мёртвая тишина, и в ней я отчётливо слышала собственное сердцебиение.

— Присаживайся, Виолетта, — скомандовала Екатерина.

В её голосе уже не звучало той откровенной злобы, с которой она говорила со мной в прошлый раз.

Юдора села рядом, и это принесло облегчение, я чувствовала её присутствие и поддержку. Остаться наедине с Екатериной мне совсем не хотелось.

Директриса отложила ручку и внимательно посмотрела на меня.

— Профессор Юдора Костаки ввела меня в курс дела. Значит, ты утверждаешь, что профессор Коста Раллис перевоплотился?

Я слотнула.

Вообще-то об этом говорил Ник, а не я. Почему же сейчас этот вопрос задают именно мне? В нём явно скрывался подвох. И как мне теперь на него отвечать?

Я выдержала паузу дольше, чем принято.

— Я ничего не утверждаю, — спокойно сказала я. — Я лишь говорю то, что видела и слышала.

В кабинете повисла тишина.

Екатерина не сводила с меня взгляда, выискивая неточность, за которую можно зацепиться. Я почувствовала, как Юдора едва заметно напряглась рядом со мной.

— И что ещё ты видела и слышала? — тем же ровным тоном продолжила Екатерина.

Я снова не ответила сразу. Сейчас каждое слово имело вес.

— Я видела, что профессор Раллис действовал осознанно, — сказала я медленно. — Он контролировал происходящее. И слышала, как он говорил о выборе, который сделал добровольно.

Я не стала уточнять больше, чем необходимо. Не стала описывать деталей, способных превратиться в обвинение против меня самой.

— Ты понимаешь, — произнесла Екатерина, — что подобные слова могут быть расценены как попытка переложить ответственность?

— Понимаю, — ответила я без колебаний. — Именно поэтому я говорю только о том, что видела сама.

Екатерина откинулась на спинку кресла, сцепив пальцы. Её взгляд стал холоднее, сосредоточеннее.

— Ты утверждаешь, что он перевоплотился по собственной воле?

Я снова сглотнула, но голос не дрогнул.

— Я утверждаю, что он больше не был дампиром, — сказала я. — И что его действия представляли угрозу для школы и для учеников.

Юдора вдохнула, собиралась вмешаться, но Екатерина подняла руку, останавливая её.

— Этого достаточно, — сказала она после короткой паузы.

Она посмотрела на меня уже не как на нарушительницу, а как на проблему, не дающую ей достаточного количества информации.

Я чувствовала её интерес. Ей хотелось узнать гораздо больше, чем я собиралась рассказать. Но и открыто требовать она не могла, за неимением других фактов. Я оставалась для неё неудобной, но необходимой. И даже если однажды она решит избавиться от меня, сейчас для этого ещё не время. Для чего-то я ей нужна, и именно сейчас я ощущала это особенно остро.

По слегка рассеянному взгляду Екатерины и затянувшемуся молчанию я поняла, что она пытается воздействовать на меня своей магией, мягко, незаметно, располагая к беседе, подталкивая к доверию, вынуждая раскрыться.

Её сила скользила осторожно, выверенно, она проверяла, насколько глубоко может зайти. Но её дар на меня не действовал. Разумеется, показывать это было нельзя. Я позволила взгляду стать чуть менее собранным, дыханию ровнее, плечам расслабиться, изображая подчинение её влиянию. Ровно настолько, чтобы у неё не возникло новых подозрений на мой счёт. Я играла в ту игру, которую она начала. И делала это осознанно.

— Ты понимаешь, Виолетта, — продолжила она, — что пока Совет не поставлен в известность, всё сказанное тобой остаётся словами?

— Понимаю.

— И что твое дальнейшее пребывание в школе напрямую зависит от того, подтвердятся ли эти слова?

— Да.

Екатерина внимательно всматривалась в моё лицо, решая, стоит ли мне верить. Затем медленно кивнула.

— Тогда запомни одно, — сказала она. — До тех пор, пока я не дам иного распоряжения, ты не обсуждаешь произошедшее ни с кем. Ни с учениками, ни с преподавателями. Ни с теми, кому доверяешь.

Она сделала паузу.

— Включая Николаса.

Это прозвучало не как просьба. Как приказ.

Она не хотела нашего общения. Екатерина видела, как он заступился за меня, и понимала, что он и дальше будет на моей стороне. Именно поэтому ей было важно пресечь это заранее, не дать мне опереться на него, не позволить продолжать этот союз.

Юдора больше не пыталась вмешиваться в разговор.

Екатерина кивнула ей, давая понять, что встреча окончена.

— Пойдём, Виолетта, — сказала Юдора, поднимаясь.

— До свидания, — произнесла я и пошла следом.

Директриса не ответила. Она проводила нас холодным взглядом, таким, в котором не читалось ни прощания, ни снисхождения. Только расчёт.

Остаток дня прошёл спокойно. Но после встречи с Екатериной внутри остался неприятный осадок — настороженность и лёгкая тревога. На деле всё оказалось не так гладко, как выглядело со стороны. Я не могла до конца разгадать её намерения, однако что-то упорно не давало расслабиться. Интуиция настойчиво советовала держаться подальше и от неё, и от Ника.

Стараясь не заикливаться на тревожных мыслях, после окончания занятий я направилась к себе. На уроках внимание никак не удавалось удержать. Сосредоточиться и вникнуть в материал становилось всё сложнее. Все преподаватели приветствовали меня так же, как и в тот первый день, когда я только прибыла в школу. Но теперь в этих приветствиях чувствовалось иное отношение, не как к новенькой, а как к той, кто вернулся с того света. Разница ощущалась слишком явно.

Добравшись наконец до своей комнаты, я выдохнула с облегчением. Мне отчаянно хотелось просто остаться наедине с собой. Но моему спокойствию не суждено было продлиться. В дверь постучали. Я лениво поднялась с постели, на которую уже успела прилечь, и направилась посмотреть, кто пожаловал.

И всё же, распахнув дверь, я замерла. На пороге стоял Деймон.

— Что?.. — удивлённо выдохнула я, не сразу понимая, как реагировать.

— Деймон! — наконец воскликнула я.

Он рассмеялся, забавляясь моей растерянностью.

Я, не раздумывая кинулась ему на шею.

— Я так рада, что ты здесь!

— Привет, — улыбаясь, ответил он, обнимая меня в ответ.

Я отстранилась и внимательно посмотрела на него. Он изменился за это время, стал суше, поджарее, жёстче. В нём появилось что-то новое, собранное.

— Тебя там что, не кормили? — попыталась пошутить я.

— Не до еды было, — коротко ответил он.

— Проходи, — я отступила в сторону, приглашая его внутрь.

Деймон вошёл и огляделся, будто видел мою комнату впервые, задерживая взгляд на деталях дольше обычного.

— Как ты тут?

— Пойдёт... — я махнула рукой. — Лучше расскажи, где ты был. Почему ты так резко пропал? Что вообще случилось?

Я по-дружески толкнула его в плечо.

— Ты даже не попрощался.

— Времени не было, Виола, — серьёзно ответил он. — Я сам толком не понял, что произошло. В один вечер наставник велел мне срочно собирать вещи, дал билет в Дельфы, посадил в машину и отправил в аэропорт. Сказал, что я должен немедленно покинуть школу.

— Но почему?

Я искренне не понимала причин такой спешки. Насколько я знала, в школе никогда никого не отправляли так внезапно и без объяснений.

— Я спрашивала у профессора Париса о тебе, — вспомнила я. — Он сказал, что ты сдаёшь экзамен в реальных условиях, справляешься с вампирами.

Деймон посмотрел на меня так, что стало очевидно — мои слова он счёл откровенной глупостью.

— В нашей школе никогда не было экзаменов «в жизни», — сухо ответил он.

— Я так и поняла, — кивнула я. — Поэтому и удивилась.

Деймон сел на стул у письменного стола.

Я устроилась на краю кровати, внимательно глядя на него и ожидая продолжения. Его молчание ощущалось слишком осмысленным, чтобы оказаться случайностью.

— Это было решение Кольта, — почти неслышно произнёс Деймон.

Я нахмурилась ещё сильнее, ничего не понимая, и вопросительно посмотрела на него.

— Он понял, что ты мне симпатична... — Деймон запнулся, слова давались ему с трудом. — Он не стал разбираться и не стал ждать. Наставник Парис получил от него чёткий ультиматум, либо я исчезаю из школы, либо Кольт решает этот вопрос сам.

Деймон тяжело вздохнул.

Я затаила дыхание, не зная, как реагировать.

— Наставник всё понял. Он знал, с кем имеет дело, и знал, что это не пустая угроза. Поэтому придумал причину, которая выглядела безупречно. Срочное задание, оформленное так, чтобы никто не задал лишних вопросов. Формально, как повышение доверия. По сути эвакуация.

— Но зачем это Кольту? — тихо спросила я. — Он же, наоборот, доверял тебе.

— Доверял... — согласился Деймон. — Ровно до того момента, пока в нём не проснулась хищная ревность. Он на тебя даже смотреть с интересом запретил... Не то что... влюбляться.

Он невесело усмехнулся.

— Наставник Парис сделал это ради меня. Он понимал, если оставить меня здесь, рядом с тобой, и послушаться Кольта, я не выживу. Не потому, что слаб. А потому что Кольт не простил бы.

Деймон опустил взгляд и медленно покачал головой.

— Вот так я и уехал. И, если честно... это моя вина. Я понимал, что рискую, когда позволял себе много внимания к тебе.

— А сейчас? — осторожно спросила я.

Деймон поднял на меня взгляд.

— А сейчас всё изменилось. Нападение на школу, хаос, потери. Школа больше не безопасное место для тебя. Екатерина усиливает контроль, Совет рано или поздно вмешается, а ты оказалась в центре слишком многих интересов. Поэтому Кольт сам велел наставнику вернуть меня обратно в школу.

Я молчала, обдумывая услышанное.

— Ему нужен кто-то рядом с тобой, — продолжил Деймон. — Сильный, обученный, надёжный. Тот, кто сможет защитить тебя здесь, пока он сам вынужден оставаться в тени. Тот, кого он уже проверил.

Он сделал паузу и посмотрел на меня с иронией.

— Только теперь, если я посмею посмотреть на тебя как на девушку, меня уже не отправят в другой город. Скорее всего, это будет билет в один конец.

Мягко говоря, это было неожиданно.

Я жала переносицу, пытаюсь уложить услышанное в голове. Сначала Кольт сам приставил ко мне Деймона, затем сам же и убрал его, когда ситуация приняла нежелательный оборот. Значит, он ревнует? Или просто защищает меня как собственность?

Он не раз говорил именно так. Но мысль о ревности почему-то грела куда сильнее. Если он способен ревновать, значит, его интересует не только мой тёмный дар. Значит, важна я сама.

— В любом случае я рада, что ты здесь, — сказала я и улыбнулась ему.

Деймон ответил улыбкой.

— Я тоже. Потому что там, куда меня отправили, мне совсем не понравилось, — он покачал головой, и в его взгляде вспыхнуло что-то тяжёлое, пережитое. Глаза расширились, и в них отразился отголосок того ужаса, который он видел.

— А что там было? — с любопытством спросила я.

— Я участвовал в охоте вместе со стражами, — начал он и тут же запнулся. — И увидел методы, которые у нас в школе считают жестокими. На деле всё оказалось иначе. Когда цель выжить, в ход идёт всё, на что ты способен. В такие моменты уже не думаешь ни о чести, ни о гуманности.

Я кивнула.

— Здесь, в школе, тоже происходили страшные вещи. Ты не поверишь... но я сама убила нескольких вампиров.

— Да ты молодец, — искренне просиял Деймон.

Я вкратце рассказала ему о событиях последних дней, о нападении, о Стефане, о том, через что мне пришлось пройти. И, разумеется, о Николасе. О том, что теперь он стал частью моей тайны.

— Этого не может быть! — вырвалось у Деймона. — Но как он до сих пор не сдал тебя Екатерине?

Я пожала плечами.

— Он помог мне вернуться в школу и заступался за меня перед ней. Екатерина вообще хотела меня арестовать.

Деймон задумался, и его лицо стало серьёзным.

— Это очень плохо, Виола, — наконец произнёс он.

Я уронила лицо в ладони и тяжело вздохнула, затем снова посмотрела на Деймона.

— Я так устала от всего этого... — призналась я. — Сегодня Екатерина вызывала меня к себе, допрашивала. Я буквально кожей чувствовала её ненависть ко мне.

— Не сегодня, так завтра она доложит обо всём Совету, — спокойно, отстранённо заключил Деймон. — Вот и готовится. Собирает информацию.

— Да... — согласилась я.

Я помедлила, подбирая слова.

— Кольт обмолвился, что твой наставник сможет помочь мне связаться с ним, если понадобится, — сказала я вполголоса. — Как так вышло, что Мастер Парис вообще имеет с ним дело?

— Он никогда мне этого не объяснял. Хотя я спрашивал, — добавил он после паузы. — Но он не стал вводить меня в курс. Возможно, хотел, чтобы я знал как можно меньше. Ты ведь сама понимаешь, в нашем мире сложно хранить тайны.

— Понимаю... — ответила я, и в этом слове было больше, чем простое согласие.

Мы ещё некоторое время разговаривали, после чего Деймон ушёл к себе. Решили действовать по ситуации, постепенно возвращаться к привычному ритму, сосредоточиться на учёбе и попытаться успокоиться. С его возвращением мне стало немного легче, спокойнее. В школе у меня действительно не было никого настолько близкого, с кем я могла бы говорить откровенно, без опасений. Теперь, в случае реальной угрозы, я уже не буду здесь одна.

Николас, конечно, знал о том, что у меня есть определённые дела с вампиром. Но, несмотря на это, открыто обсуждать с ним подобные вещи я не могла. Я не была уверена в нём до конца, так же, как и он не доверял мне полностью. Если однажды ему придётся выбирать между мной и Екатериной, он без сомнений выберет её. К тому же он знал далеко не все детали.

Прошло ровно две недели со дня моего возвращения в школу. За это время она успела восстановиться и вновь войти в привычный рабочий ритм. Меня больше не вызывали на допросы, и с директрисой Екатериной я тоже не сталкивалась, что, признаться, радовало. Николас был чем-то занят. Мы пересекались крайне редко, случайно.

Самой искать с ним контакта я не видела смысла, да и он не появлялся. Скорее всего, за ним следили, и любой его шаг в мою сторону не остался бы незамеченным. Пожалуй, так безопаснее, и для меня, и, возможно, для него.

Екатерина доложила Совету о произошедшем. И вскоре после этого в школу прибыли новые охотники-дампиры, стражи Совета. Теперь территория охранялась по всему периметру, без слепых зон, без послаблений.

Впечатление они производили пугающее. Совсем не те охотники, к которым мы привыкли. Безэмоциональные, высокие, физически мощные мужчины, вышедшие не из этого мира, а из самой преисподней. Их движения отличались холодной, выверенной точностью, без малейшей суеты. Они не разговаривали без необходимости, не смотрели по сторонам, не реагировали на учеников. Их присутствие ощущалось кожей.

Деймон сказал, что, скорее всего, они здесь временно. Такие, как правило, охраняют сам Совет. Их форма отличалась от привычной: плотная, чёрная, идеально повторяющая линии тела. Материал гасил свет, не отражал его, поглощал. Высокие воротники и маски закрывали нижнюю часть лица, оставляя открытыми глаза, пустые, лишённые человеческого выражения. На груди каждого виднелся символ ордена Совета: строгий, лишённый любых украшений и от этого ещё более пугающий.

В центре находился меч, направленный остриём вниз. Оружие не для боя, а для исполнения приговора. В его рукояти закрепили красный камень: тёмный, матовый, больше похожий на сгусток застывшей крови. Он не сверкал и не притягивал взгляд, а давил, как тяжёлое воспоминание.

Клинок пересекал разомкнутый круг, символизирующий границы и контроль. Этот круг не защищал, он ограничивал, подчёркивая, что всё, выходящее за установленные рамки, будет отсечено без колебаний. По обе стороны меча тянулись тонкие линии, похожие на старые шрамы или следы когтей. Они напоминали о природе дампиров — существ, стоящих между мирами и потому вынужденных оставаться беспощадными. Этот символ не выглядел как знак принадлежности. Он выглядел как предупреждение.

Вооружены они были такими же клинками, как у Кольта. Длинные, с красным гранатом в рукояти, тускло мерцающим даже в полумраке. Но и этим всё не ограничивалось. На поясе крепилось дополнительное оружие. Короткие кинжалы скрывались в подошвах обуви и специальных креплениях на предплечьях под формой. Казалось, оружие давно перестало быть для них инструментом и стало частью самих тел.

Когда я проходила мимо кого-то из них, меня пробирала дрожь. При них становилось страшно даже дышать, любой лишний вдох мог быть расценён как угроза. От этих охотников исходило ощущение абсолютной силы и безжалостности. Они не пугали намеренно. Они просто были такими.

Деймон стал проводить с нами почти всё свободное время, со мной и с Камиллой. Если раньше он избегал нашей девичьей компании, предпочитая общаться только со мной, то теперь всё изменилось. Даже когда я оставалась с Камиллой и Селеной, он без колебаний присаживался рядом, легко и естественно вливаясь в наше общество. Подруги приняли его дружелюбно, без настороженности.

Камилла начала проявлять к нему симпатию. Её выдавали мелочи: взгляд, задерживающийся на нём чуть дольше, чем следовало, неожиданная сдержанность и лёгкая застенчивость рядом с ним. Стоило Деймону появиться в поле зрения, как она начинала приглаживать волосы, поправлять одежду, неосознанно стремясь выглядеть лучше. Впрочем, это было неудивительно. Деймон и правда выглядел привлекательно. Опасная поездка, как ни странно, пошла ему на пользу, сделала более жёстким, собранным, добавила в его образ брутальности.

Сам Деймон держался одинаково ровно со всеми: и с Камиллой, и с Селеной, и с Элис, которая, к слову, тоже часто присоединялась к нам вместе с Селеной. Со мной он неизменно сохранял особую осторожность. Ни жестом, ни взглядом он не давал понять, что когда-то испытывал ко мне интерес. Мы вели себя как двое старых, надёжных друзей.

С Кольтом я больше не виделась и где-то в глубине души всё чаще ощущала тоску. Я сама не заметила, в какой момент начала по нему скучать. Меня распирало любопытство, чем он сейчас занят, где находится, что делает, что стало с вампирами... И я чувствовала разочарование от того, что за целых две недели он так и не дал о себе знать. Разумом я понимала, что ему сейчас слишком опасно даже приближаться к школе. Но разве сердце когда-нибудь слушает разум? Несмотря ни на что, во мне теплилась надежда, что он всё же найдёт способ напомнить о себе.

Физически я ощущала себя превосходно — сильной, выносливой, ловкой. На занятиях по борьбе мне практически не находилось равных. Я с лёгкостью противостояла любому ученику, с которым мастер Парис ставил меня в пару. Порой я даже перебарщивала с силой, и из-за этого не все охотно соглашались выходить против меня.

Собиралась я сегодня на занятия без особого энтузиазма. Первым уроком стояла греческая мифология, которую по-прежнему вела Каллиста. Каждый раз мне приходилось буквально заставлять себя идти на её занятия. Преподавателей пока не заменили, в школу прибыли лишь охотники, и, к сожалению, это никак не облегчало учебные будни.

Погода тоже не радовала. С каждым днём на улице становилось всё холоднее. Надев светло-голубые джинсы, белый свитер с высоким горлом и светлую куртку, я направилась в столовую.

У входа учеников встречала Юдора. Она держалась собранно и спокойно, полностью придя в себя. Я коротко поздоровалась и вошла внутрь. Камилла и Селена уже сидели там, занятые завтраком. Деймон, судя по всему, как и я, подошёл совсем недавно и стоял раздумывая, чем бы позавтракать. Я взяла поднос и направилась к нему.

— Доброе утро, — сказал он, заметив меня.

— Если его вообще можно назвать добрым, — поморщилась я. — Холодно, да ещё и первый урок у Каллисты.

Деймон улыбнулся, не разделяя моего недовольства.

— Да она нормальная.

— Слишком строгая и безэмоциональная, — возразила я.

Он пожал плечами.

— Обычный, типичный преподаватель.

С полными подносами мы присоединились к моим подругам, которые уже что-то оживлённо обсуждали, стараясь хоть разговором отогнать общее напряжение последних недель.

— Ты не понимаешь, как это работает, поэтому я не могу объяснить тебе сам принцип дара, откуда он берётся, как проявляется и как им управлять, — доказывала Селена.

— Вы о чём? — спросила я, присаживаясь рядом.

— О даре, — с тихим вздохом ответила Камилла. — Доброе утро.

— О каком именно даре? — уточнила я.

Селена тут же повернулась ко мне и начала объяснять то, что минутой ранее пыталась донести до Камиллы.

— Когда нас учат работать с даром, — начала она, — в первую очередь нас учат чувствовать его. Недостаточно просто посмотреть кому-то в глаза, загипнотизировать и приказывать что-то сделать. Это не так работает.

Она замолчала, подбирая слова.

— Я должна прочувствовать свой дар, коснуться собственной магии. И когда я обращаюсь к кому-то, используя его, я беру эту энергию внутри себя и направляю её через взгляд прямо к тому, на ком хочу её применить.

Это показалось мне неожиданно важным. Полезным. Я почувствовала, как напряглась, вслушиваясь в каждое слово. Ведь я тоже обладала даром, тёмной энергией, о существовании которой никто не знал. И теперь я ловила каждую деталь.

Селена училась в высшем классе, среди таких же одарённых дампиров. Только её дар относили к опасным, способность внушения требовала строгого контроля.

— У меня вчера впервые получилось коснуться своей силы, — продолжила она уже с заметным воодушевлением. — Ощутить её. Это так... необычно. Совсем не так, как я представляла.

Деймон слушал молча, методично расправляясь с содержимым своей тарелки. Камилла же, как мне показалось, начала откровенно скучать. Разговоры о магии не вызывали у неё интереса, она не понимала и не разделяла того восторга, с которым Селена говорила. Камилла не обладала даром, была обычным дампиром, и всё это оставалось для неё чем-то далёким и абстрактным.

Я же, наоборот, полностью погрузилась в это. У меня не оказалось наставников, которые могли бы научить меня управлять собственной силой. Никто не объяснял, как к ней прикоснуться, как использовать её осознанно. Кольт умел это делать, он брал мою тьму через связь и направлял её, воздействуя на вампиров. А я... я не умела ничего. Не знала, как приблизиться к этой энергии, не могла даже нащупать её.

И всё же сейчас, особенно после крови Кольта, я ощущала её в себе. Тьма больше не действовала против меня, не разрушала, не убивала, пока кровь вампира питала моё тело. Я понимала, что это временно. Эффект ослабнет, если не поддерживать кровную связь. Но пока сил хватало, чтобы попытаться подчинить эту энергию, я не могла позволить себе упустить такой шанс.

— И как ты это делаешь? — спросила я, стараясь, чтобы мой интерес выглядел обычным, праздным.

— Я сосредотачиваюсь, — ответила Селена. — Пытаюсь ощутить дар всем телом.

— Это так скучно, — вмешалась Камилла. — Может, лучше обсудим нашу новую охрану? Вот там реально есть на что посмотреть и о чём поговорить.

Я мысленно выругалась.

— Да что о них говорить, — раздражённо ответила я. — Стоят и пусть стоят. Продолжай, Селена.

— Ты серьёзно? — удивилась Камилла.

— Абсолютно. Подумаешь, охрана.

Деймон, уловив мой настоящий интерес к разговору, наконец вмешался.

— Продолжай, Селена. Мне тоже интересно. У меня дара нет, так хоть буду понимать, как это работает.

Я благодарно посмотрела на него.

Селена буквально расцвела от такого внимания. А Камилла, напротив, помрачнела, но спорить не стала.

— Это не похоже на то, как вы себе представляете, — сказала Селена, чуть наклонившись вперёд. — Дар не включается по щелчку. Он вообще не начинается с глаз.

— А с чего тогда? — спросила я, не скрывая интереса.

— С ощущения внутри, — она коснулась груди. — Где-то здесь. Сначала это было едва заметно, как напряжение или вибрация. Я долго не понимала, что именно должна чувствовать. Думала, что это просто волнение.

— И что изменилось? — уточнила я.

— Нас научили не торопиться. Сначала, только чувствовать. Закрывать глаза, выровнять дыхание, убрать эмоции. Если я злюсь, боюсь или слишком хочу результата, дар не откликнется. Он реагирует на состояние, а не на приказ.

— Значит, это не про силу воли? — я нахмурилась.

— Совсем нет, — покачала головой Селена. — Скорее про контроль. Когда получается, энергия поднимается волной. Она не тёмная и не светлая. Просто... плотная. Как если бы внутри стало больше воздуха, но он тяжёлый.

— И ты уже можешь ею управлять? — спросил Деймон.

— Учусь, — честно ответила она. — Первый шаг намерение. Нам постоянно повторяют: нельзя просто заставить. Нужно точно знать, чего ты хочешь. Не «пусть он сделает», а что именно и зачем. Если цель размыта, дар либо не срабатывает, либо выходит из-под контроля.

— Звучит опасно, — заметила я.

— Так и есть, — Селена усмехнулась без веселья. — Поэтому нас мучают упражнениями. Мы часами смотрим на предметы, удерживая ощущение дара. Иногда направляем внушение в пустоту, как будто там кто-то есть.

— И глаза? — спросила я. — Всё-таки они важны?

— Глаза, это проводник, не источник, — ответила она. — Если внутри пусто, взгляд ничего не сделает. А когда есть связь со своим даром, энергия выходит тонко. Давить нельзя. Давление вызывает сопротивление.

— А защита? — спросил Деймон. — Вас этому тоже учат?

Селена кивнула.

— Обязательно. Как распознать чужое внушение, как удержать себя. Самое страшное, потерять грань между своими желаниями и навязанными. После занятий иногда так выматывает, что руки дрожат, а голова кружится.

— И всё равно тебе это нравится, — заметил он.

Селена задумалась.

— Когда получается... да. В такие моменты я понимаю, что это не проклятие. Это инструмент. Очень опасный. И требующий ответственности.

Она посмотрела на меня.

— И, если им научиться пользоваться неправильно... лучше вообще к нему не прикасаться.

Я промолчала, чувствуя, как её слова отзываются во мне сильнее, чем должны были. Ведь я не могла больше игнорировать свой дар. Мне нужно учиться взаимодействовать с ним, даже несмотря на то, что моя сила значительно отличалась от дара Селены.

Закончив завтрак, мы направились к своим аудиториям. Мысли не отпускали меня ни на секунду, как начать контакт с тёмной энергией, как научиться чувствовать её и подчинять себе, а не позволять ей управлять мной.

Я настолько погрузилась в размышления, что не сразу заметила перемены вокруг. Стражи Совета, которые до этого стояли спокойно и неподвижно, вдруг резко выпрямились. Почти одновременно их руки коснулись оружия. У въезда в школьный двор их собралось значительно больше, чем обычно.

Мы замедлили шаг и подошли ближе, пытаясь понять, что происходит. Присутствия вампиров мы не ощущали. Ничто вокруг не предвещало опасности. По крайней мере, так казалось, ровно до того момента, пока в поле зрения не появились несколько автомобилей, въехавших на территорию школы. Полностью чёрные машины с глухо тонированными стёклами

и без каких-либо опознавательных знаков выглядели угрожающе. От одного их вида внутри неприятно сжалось. Тревога осела где-то под рёбрами.

Автомобили остановились у входа в корпус преподавателей. Один из охранников шагнул вперёд и открыл заднюю дверь. Из машины вышла женщина-дампир. Она появилась без спешки, но с такой властью в каждом движении, что пространство вокруг будто само уступало ей место. Высокая, стройная, с выправкой, в которой ощущалась не показная строгость, а многолетняя привычка приказывать.

В её облике не находилось ничего лишнего, ни украшений, ни мягких линий, ни малейшего стремления нравиться. Всё говорило о контроле. Чёрные волосы гладко убраны и собраны в тугий пучок на затылке, без единой выбившейся пряди. Лицо точёное, с неподвижным выражением, которое трудно назвать злым. Скорее абсолютно равнодушным.

Она не показывала эмоций, и именно это пугало сильнее всего.

На ней был тёмный, идеально сидящий костюм, на груди которого отчётливо виднелся символ ордена Совета. На поясе серебряный меч с красным камнем в рукояти. Не демонстративно, но так, чтобы ни у кого не возникало сомнений: оружие давно стало частью её самой.

Двигалась она плавно, без резких жестов. Каждое движение отличалось точностью и выверенностью.

Остановившись, она окинула двор взглядом.

Даже на расстоянии я ощутила его тяжесть. В груди болезненно кольнуло. Её появление не сулило ничего хорошего.

Глава пятая

Урок профессора Ставридис прошёл на удивление быстро. Все мои мысли занимала женщина из Совета, прибывшая в школу, и, судя по всему, не только мои. Сама Каллиста выглядела непривычно отстранённой, погружённой в собственные размышления куда сильнее, чем в предмет, который преподавала.

Преподавателей уже осведомили о новой гостье и о свите, прибывшей вместе с ней. Остальных представителей Совета мы так и не успели разглядеть, нас быстро отправили по аудиториям, не дав задержаться.

На уроке все вели себя непривычно сдержанно. Никто не перешёптывался, не задавал лишних вопросов, хотя напряжение буквально витало в воздухе. Желание обсудить происходящее ощущалось почти физически, но его намеренно подавляли.

Зачем она приехала?

Что теперь будет?

Эти вопросы глухо пульсировали в голове, не позволяя расслабиться. Я чувствовала, как страх и тревога медленно, но неотвратимо нарастают, расплываясь внутри холодной тенью, от которой невозможно спрятаться. Очевидно, собирать учащихся и делать какие-либо объявления они не собирались, по крайней мере, никакой информации об этом не было.

Мы с Камиллой сидели молча, изредка переглядываясь, без слов, но с полным пониманием друг друга. И потому, как только урок закончился и профессор покинула аудиторию, поднялся такой гул, что у меня заложило уши. Напряжение, которое все это время сдерживали, вырвалось наружу разом. Многие тут же направились к корпусу преподавателей, надеясь хотя бы мельком увидеть прибывших. Любопытство тянуло туда, как магнит. Я же надеялась только об одном, чтобы меня туда никто не позвал. Что-то подсказывало мне, что представители Совета прибыли вовсе не с формальным визитом. Скорее всего, они приехали в школу для выяснения обстоятельств. А я как раз оказалась одним из этих обстоятельств.

— Интересно, кто она такая? И что теперь будет? — с тревогой прошептала Камилла.

— Хотела бы я знать, Кама.

— Эта женщина выглядела настолько пугающе, что даже мне стало не по себе, — Камилла поёжилась. — А вдруг Кирию вообще снимут с поста директора?

— Давай не будем гадать, — тихо остановила я её.

Я не могла знать наверняка, что нас не могут услышать. В стенах школы лишний раз обсуждать Кирию не стоило, она всё ещё оставалась директором, а это многое значило.

Мы ускорили шаг и направились к тренировочному залу, где должен был проходить следующий урок — борьба, решив больше не возвращаться к этой теме. Я шла, глядя под ноги и погружённая в собственные мысли, когда внезапно ощутила знакомое неприятное ощущение, кто-то настойчиво сверлил меня взглядом. Это чувство невозможно было спутать ни с чем.

Я подняла глаза и сразу поняла причину.

Это оказался он.

Стефан появился прямо перед нами. Он был один и шёл навстречу неторопливо, с ленивой уверенностью, привыкший чувствовать своё превосходство. Подойдя вплотную, он остановился ровно на нашем пути, вынуждая нас замереть.

— Ну надо же, — протянул он, скользнув по мне оценивающим взглядом. — Некоторые возвращаются из мёртвых быстрее, чем я ожидал.

Я остановилась. Не потому что испугалась, а потому что не собиралась отступать ни на шаг. Камилла не знала всей истории со Стефаном и относилась к нему без предубеждений, но его едкий тон заставил её напрячься так же, как и меня.

— Уйди с дороги, — холодно сказала я.

Стефан усмехнулся, однако это не имела ничего общего с весельем.

— Всё ещё думаешь, что здесь тебе рады? — произнёс он негромко, так, чтобы слышали только мы. — Совет не любит загадки, Виолетта. А ты сплошная загадка.

Уголок его губ дрогнул в подобии улыбки, но выглядело это скорее как оскал гиены. Камилла резко шагнула вперёд.

— Ты головой ударился? Ты вообще понимаешь, что несёшь? Следи за своим языком!

Камилла никогда не пасовала в словесных перепалках и не привыкла молчать, когда кто-то позволял себе лишнее. Стефан перевёл на неё взгляд: вальяжный, оценивающий. Он смотрел на неё как на досадное препятствие.

— Это не твоё дело.

Затем он снова посмотрел на меня. На этот раз задержался дольше, внимательно, сосредоточенно, по-хищному. В его глазах открыто читалась ненависть, не скрытая и не притворная.

Камилла уже собиралась возразить, но я вовремя остановила её, слегка одёрнув за руку.

— Интересно, — добавил он, — сколько ещё продлится эта игра.

Внутри что-то дрогнуло, но я с усилием удержала дыхание ровным и не позволила ни одной эмоции отразиться на лице.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — спокойно ответила я.

Стефан наклонил голову, раздумывая, затем шагнул в сторону, освобождая проход. Но когда мы поравнялись, он бросил мне вслед шёпотом, так, что услышала только я:

— Я всё помню.

Я не обернулась, но сердце тяжело ухнуло куда-то вниз.

Что именно он помнит?

Мы с Камиллой пошли дальше, не ускоряя шаг. Она собиралась продолжить перепалку, но я покачала головой, давая понять, что не стоит. Нельзя показывать ему свою уязвимость.

— Виола... — тихо начала она.

— Потом, — так же тихо ответила я.

На уроке борьбы времени на разговоры не оставалось. Быстро переодевшись в спортивную форму, мы приступили к тренировке.

Сегодня мастер Парис отрабатывал с нами работу с клинком. Мы, как и прежде, тренировались с деревянными мечами, хотя мне отчаянно хотелось уже держать в руках серебряный. После того как я сражалась мечом Кольта, дерево ощущалось в ладонях игрушечным, слишком лёгким, лишённым настоящего веса и сопротивления.

Я время от времени с особым вниманием смотрела на мастера Париса, надеясь уловить хоть малейший знак. Может быть, он передаст весточку от Кольта, скажет что-то вполголоса или позовёт меня отойти в сторону. Я понимала, насколько это наивно и рискованно, но сейчас он был единственным, кто мог хоть что-то знать. Однако ничего подобного не происходило. Мастер вёл занятие так же сдержанно и отстранённо, как всегда, сосредоточенный на искусстве борьбы и успехах учеников.

Нас распределили по залу и поставили отрабатывать удары на подвесных тренировочных мешках. Я двигалась легко, без усилий. Тело слушалось меня всё лучше, движения становились точнее, отработанные. В какой-то момент удары начали сливаться в непрерывную цепочку, автоматическую, бессознательную. Я видела цель и просто уничтожала её. И всё же мысли мои находились далеко отсюда.

Когда стало ясно, что никакой весточки от Кольта не будет, моё внимание само собой вернулось к встрече со Стефаном.

Он всё помнит. Если он сказал это, значит, понимает, что находился под внушением. Скорее всего, действие магии исчезло в тот момент, когда профессор Раллис перевоплотился. Насколько я знала, после этого они больше не пересекались. Стефан его не интересовал. Раллиса всегда привлекали власть и я как ключ к ней. Вампиров у него и так хватало. Единственное, что немного успокаивало, Стефан не мог читать мои мысли. Но Деймон... Николас. Если он доберётся до них, это не закончится для меня ничем хорошим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.